

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. Ф. ЗУЕВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ XVIII ВЕКА

(1771–1772)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1947

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Новая серия, т. V

В. Ф. ЗУЕВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ XVIII века (1771—1772)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1947 Ленинград

Подготовил к печати *Г. Д. Вербов*

Ответственный редактор *Н. Н. Степанов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в настоящем издании труды академика В. Ф. Зуева (1754—1794 гг.) — „Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов“, а также его небольшая статья „Об оленях“ — появляются в печати впервые.

Статьи эти были написаны В. Ф. Зуевым как участником знаменитой экспедиции П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь (1768—1774 гг.). В. Ф. Зуев совершил самостоятельную поездку к устью реки Оби и берегам Ледовитого океана в 1771—1772 гг. Результаты исследования этих районов Зуев и изложил в указанных выше работах, но ни в XVIII в., ни позже они напечатаны не были. Их использовал лишь П. С. Паллас и то в недостаточной мере в своем „Путешествии по разным провинциям Российского государства“.[1] Между тем работы В. Ф. Зуева являлись для своего времени выдающимися этнографическими трудами. Обстоятельно, на основе внимательных и тонких наблюдений, автором были описаны быт и культура двух северных народов: ненцев (самоедов) и хантов (остяков).

Публикацией этих исследований значительно дополняется одна из интереснейших страниц в истории русской науки в XVIII в. — история академической экспедиции 1768—1774 гг. В новом свете предстает и сам В. Ф. Зуев — один из замечательных русских ученых XVIII в., известный главным образом своей экспедицией в 1781—1782 гг. в Херсон, Крым и Константинополь, поскольку работы В. Ф. Зуева, связанные с этой экспедицией, были опубликованы еще в XVIII в.

Труды В. Ф. Зуева, связанные с его северной экспедицией, бесспорно — один из крупных этапов в изучении народов Севера и Сибири. Это изучение к третьей четверти XVIII в., ко времени экспедиции В. Ф. Зуева, имело уже значительную историю.

Колонизационное движение русского народа на север и восток, естественно приводило к сближению и связям с неведомыми дотоле народами. Уже под 1116-м годом на страницы летописи занесено известие о „мужах“, ходивших „за Югру и за Самоядь“. К XV в. относится известное новгородское сказание „О человецех незнаемых в Восточной стране“, причудливо сочетавшее фактические и достоверные данные с элементами баснословными и фантастическими.

---

[1] P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768—73 St.-Pet., 1773, T. III. (П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третия, половина перьвая, 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев, СПб., 1788).

В конце XVI — начале XVII вв. народы Зауральского Севера прочно входят в орбиту Московского государства. Ненцы, ханты и маньси (вогулы) с этого времени не только объект любопытства и досужих домыслов книжников древней Руси. В документальных источниках — актовом материале, связанном с деятельностью административных органов первых русских городов Сибири (Тюмень, Тобольск, Березов и др.), все больше находит отражение жизнь народов Зауральского Севера.

Баснословные и фантастические элементы исчезают в это время и из посвященных Зауральскому Северу литературных произведений, число которых непрерывно растет по мере проникновения русского населения в далекие районы Сибири. Жизнь и культура народов Зауральского Севера в той или иной мере нашли отражение и в повестях о завоевании Сибири, известных под названием „Сибирских летописей“, и в описаниях путешествий первых русских путешественников по Сибири (Никифор Венюков, Николай Спафарий, Избранд Идес). Касаются этого и некоторые иностранцы, либо побывавшие в Сибири, либо использовавшие русские источники (И. Масса, Ламартиньер, А. Доббин, Н. Витзен и др.).

На грани XVII и XVIII вв. замечательный русский деятель, которого с полным правом можно назвать первым исследователем Сибири, ее географом, этнографом и историком, Семен Ульянович Ремезов пишет „Описание народов Сибири“, где касается и хантов, и составляет „Чертежную книгу Сибири 1701 г.“, на чертежи которой заносит „грани“ земель ненцев и хантов.

Петровская эпоха с ее общим подъемом хозяйства и культуры страны, с ее интересом ко всестороннему исследованию страны и ее природных богатств характерна усиленным вниманием к обследованию и изучению Сибири и населяющих ее народов. В это время начинается научная деятельность В. Н. Татищева, выступившего несколько позже со своей замечательной анкетой по всестороннему исследованию Сибири и ее народов. В 1719 г. в Сибирь в экспедицию едет Д. Г. Мессершмидт. В последние годы жизни Петра подготовляется экспедиция для выяснения вопроса, „сошлась ли“ Азия с Америкой. При Петре же пишется и первый специальный труд о хантах (остяках) — „Краткое известие о народе остяцком“ Григория Новицкого (1715 г.).

Сведения о народах северо-западной Сибири появляются и в заграничных изданиях. Пересказ труда Новицкого дает Мюллер в издании „Leben und Gewohnheiten der Ostjaken“ (1720 г.). В 1721 г. в Нюренберге выходит работа неизвестного автора „Der allerneueste Staat von Sibirien“, в которой имеются данные о ненцах и хантах. Швед, капитан Врех, бывший в плену в России, публикует „Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien“ (1725 г.), где сообщает наблюдения над жизнью хантов. Наконец, швед же Страленберг, используя материалы, собранные в течение длительного пребывания в Сибири, пишет свой обширный труд „Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia“ (1730 г.). Значительные материалы о народах северо-западной Сибири собраны были участником знаменитой Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллером (ведомости из городов Березова, Тюмени, Верхотурья); им же было написано несколько работ, посвященных географии и этнографии северо-западной Сибири. Обширный материал об этой части Сибири и ее народах вошел и в его известное „Описание Сибирского царства“ (1750 г.). В начале 60-х годов в ответ на анкеты Академии Наук (составлена М. В. Ломоносовым) и Сухопутного шляхетного корпуса (составлена Г. Ф. Миллером)

поступают материалы из северо-западной Сибири, содержащие сведения и о местных народах.

Новую полосу в изучении Сибири и ее народов открывают экспедиции Академии Наук 1768—1774 гг. Научным итогом этих экспедиций явились известные труды П. С. Палласа, И. И. Георги, И. П. Фалька, Участником этих экспедиций был и будущий академик В. Ф. Зуев внесший свою немаловажную лепту в общее большое дело.

Северной экспедиции В. Ф. Зуева и его работе „Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов" посвящена в данном издании специальная статья Г. Д. Вербова. К отмеченному им необходимо добавить следующее.

Дневники и отчеты В. Ф. Зуева о его поездках к Ледовитому океану не сохранились. Мы располагаем сейчас только двумя работами В. Ф. Зуева, которые публикуются в настоящем издании и в которых он тематически обработал, видимо, лишь некоторый материал, собранный им во время своего путешествия. Между тем, совершенно несомненно, что имелись и дневники и отчеты, имелись и некоторые другие материалы и работы В. Ф. Зуева, относящиеся к его путешествию. Бесспорные данные на существование их мы находим в рапортах П. С. Палласа в Академию Наук, а также в труде того же Палласа „Путешествие по разным провинциям Российского государства".

В рапорте из Омска от 10 сентября 1771 г. Паллас сообщал: „От посланного в северную Сибирию в Березов студента Зуева часто получал я весьма приятные известия, и последнее известие писано 8 числа июня... В письмах своих сообщил мне многие изрядные известия и между протчим достопамятное сочинение о тамошних оленях...".[1] В рапорте из Красноярска от 5 декабря 1771 г. Паллас вновь возвращается к Зуеву и отмечает: „От студента Зуева получил я из Обдорского репорты, в августе и сентябре посланные...".[2] Таким образом Паллас получил от Зуева значительное количество „репортов" и „писем" (получал их Паллас „часто"), видимо, подробных и тщательных, содержащих „многие изрядные известия".

Вместе с „репортами" послана была Зуевым и небольшая работа об оленях. Эта работа — не единственная, написанная им в это время. В рапорте из Красноярска от 22 февраля 1772 г. тот же Паллас сообщил: „На возвратном пути осенью описал он (Зуев. — *Н. С.*) еще рыбную и звериную ловлю в тамошней стране... да сверх того собрал достопамятные известия о нравах и обыкновениях остяков и самоедов, также сочинил словари чистого остяцкого, самоедского и вогульского языка".[3]

Из всех этих материалов и работ В. Ф. Зуева в подлиннике до нас дошли небольшая статья „Об оленях" и основной труд В. Ф. Зуева этого периода „Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов...". Остальные нам известны лишь в обработке и пересказе П. С. Палласа. Располагая материалами В. Ф. Зуева, П. С. Паллас широко использовал их в своем труде. Рапорты В. Ф. Зуева, или, как названы они в тексте, „Путешествие по разным провинциям Российского государства", „примечания" и „записки" были переработаны П. С. Палласом, и содержание их было изложено

---

[1] Архив Акад. Наук СССР, фонд 3, опись 32, № 13, рапорт № 33. (Разрядка наша. — *Н. С.*).

[2] Там же, рапорт № 35. (Разрядка наша. — *Н. С.*).

[3] Архив Академии Наук СССР, фонд 3, опись 32, № 13, рапорт № 36.

в „Сокращенном в северную страну поездки объявлении“, как обозначил Паллас это изложение. Использована была Палласом и работа В. Ф. Зуева „О рыбной и звериной ловле“, а также словари.[1] Имея возможность сейчас судить о приемах редакторской работы П. С. Палласа на примере использования им основной работы В. Ф. Зуева, публикуемой в данном издании, можно лишь пожалеть, что до нас дошли не все материалы и работы Зуева. Нет сомнения, что некоторые неясности, которые возникают сейчас перед исследователем, изучающим маршрут и самый ход экспедиции В. Ф. Зуева, не имели бы места, если бы исследователь располагал подлинными рапортами В. Ф. Зуева, а не их пересказом П. С. Палласом. Если мы не располагаем сейчас всем научным наследством В. Ф. Зуева, относящимся к его северной экспедиции,[2] то тем более важным представляется публикация той его части, которая дошла до нас.

Значение экспедиции В. Ф. Зуева в географическом исследовании Севера было полностью оценено только в конце XIX в. „Первым путешественником, пересекшим Северный Урал на пути из Обдорска к Карской губе еще в 1771 г., был состоявший при экспедиции Палласа студент Зуев“, — писал в 1896 г. знаменитый русский путешественник и географ П. П. Семенов-Тян-Шанский. Он же указывал, что „если бы маршрут Зуева был изучен со вниманием и нанесен на карту непосредственно после появления в свет Палласова путешествия..., то карты начала нынешнего века уже не представляли бы таких резких погрешностей, какие имелись на всех картах этой части Сибири до 1828 г.“[3] (т. е. до исправления в 1828 г. карт Сибири А. Эрманом).

Значение экспедиции В. Ф. Зуева в этнографическом исследовании Сибири может быть полностью оценено только сейчас в связи с публикацией его материалов. О Зуеве как этнографе судили до последнего времени по пересказу его материалов Палласом, а зачастую, используя этот пересказ Палласа, не упоминали и настоящего автора этих материалов. На значение подлинной рукописи Зуева „Описание живущих Сибирской губернии...“ впервые, если не ошибаемся, было указано проф. А. И. Андреевым, отметившим, что „этот труд, состоящий из 21 главы, весьма богатых по содержанию и основанных на метких и внимательных наблюдениях молодого автора в 1772 г., лишь отчасти использован Палласом в соответствующем месте описания его путешествия“.[4]

Как памятник русской этнографической литературы XVIII в., труды В. Ф. Зуева, без сомнения, займут почетное и видное место среди других этнографических работ XVIII в. Ярко и правдиво встает перед нами быт и культура хантов и ненцев второй половины XVIII в.

---

[1] „Выписки“ из „примечаний“ и „записок“ (рапортов) Зуева даны Палласом на стр. 16—49 „Путешествие по разным провинциям Российского государства“, ч. III, половина первая; на стр. 49—83 даны „Известия об остяках“, на стр. 88—105 „Известия о самоедах“, обе главы — переработка „Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов...“; на стр. 105—126 дано описание рыболовства и звериных промыслов, повидимому, переработка соответствующей работы Зуева; словари даны в тексте „Известий об остяках“.

[2] Это относится не только к материалам Зуева, но и ко многим другим материалам академической экспедиции 1768—1774 гг. „К сожалению, приходится сказать, что многие материалы ее вместе с Палласом, уехавшим сначала на юг, а затем и за границу, бесследно исчезли из Академии и пока из научного оборота“ (А. И. Андреев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. „Советский север“, 1939, № 3, стр. 82).

[3] П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. I. СПб., 1895, стр. 19.

[4] А. И. Андреев, указ. статья, стр. 82.

„В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особливо пол женской, для честного честны и ласковы, с соседами согласны, легкомысленны, странноприимчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы“, — писал Зуев об изучаемых им народах. Подробно описывает Зуев занятия и хозяйство ненцев и хантов, их обычаи и обряды, связанные с браком, рождением и похоронами, их увеселения, религиозные обряды, положение женщины и т. д. Зуевым отмечены пережитки первобытно-общинного строя, обычай гостеприимства, родовая экзогамия и другие институты родового строя.[1] И вместе с тем перед нами уже классовое общество. „У их оленей бывает у скуднейшего от десяти, у богатого стадо до трех тысяч езжалых“, — указывает Зуев. Налицо и классовая эксплоатация, — бедные нанимаются в пастухи за оленями, — и особое положение богатой верхушки. „Богатые по большей части у их в особливом пребывают почтении, почему и можно их всех назвать как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопи, за им ходят, а пьяного водят под руки и носят за им, что подарочное или оставленное“. Отмечена Зуевым и специфика положения ненцев и хантов в составе Российской империи. Царизм умело использовал местные обряды и верования, заставляя на основе их приносить присягу на верность и ясак. „Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножем мне бы зарезаться“, — таков текст одной из присяг, приводимых Зуевым. „И действительно сей народ в таких случаях столь справедлив, — указывает Зуев, — что при ихной дикости можно их в сем почесть вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что нещасти воспоследуют от угрызения неправой совести и он неправо присягнуть не смеет“. Общение с русским населением, все более и более проникавшим в отдаленные районы Сибири, влекло за собой проникновение в примитивную культуру ненцев и хантов передовой культуры русского народа (распространение орудий производства, одежды и т. д.). В большей мере это относилось к хантам, нежели к ненцам, поскольку район расселения первых был более колонизован русскими. Ханты, „более, обходясь с русскими, более приняли их обыкновения и поступок“ — указывает Зуев. Сложен и противоречив был этот процесс приобщения ненцев и хантов к русской культуре в условиях колониальной политики царизма. „Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что не хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся“, — делает заключение Зуев. Русский холст „разве богатые из остяков имеют“, они же только пользуются русским мылом. Посредниками русской культуры для местного населения зачастую являлись торговцы и чиновники, спаивавшие и обиравшие его „за долги ли за несколько листиков табаку или за несколько чарок вина“.

---

[1] На особую ценность материалов Зуева о родовой экзогамии у остяков недавно указал М. О. Косвен в статье „Из истории проблемы матриархата“ („Советская этнография“, 1945, № 1, стр. 55).

Картины быта и культуры хантов и ненцев, которые рисует Зуев, относятся ко второй половине XVIII в. Однако и в XIX и XX вв., вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, положение мало в чем изменилось. Политически бесправные, забитые, почти поголовно неграмотные, экономически и культурно отсталые, трудовые массы ненцев и хантов влачили жалкое существование в рамках Российской империи.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разбив цепи национального угнетения, возродила к новой жизни отсталые народы Крайнего Севера. Ленинско-сталинская национальная политика ввела народы Крайнего Севера в единую, дружную семью народов нашего многонационального государства. Развилась на Севере промышленность, развернулось колхозное строительство, возникли национальные округа и районы, расцвела культура национальная по форме и социалистическая по содержанию.

В 1935 г., когда Ханты-мансийскому национальному округу исполнилось пять лет, трудящиеся округа обратились к товарищу Сталину с приветствием, в котором писали: „С большим волнением и слезами радости мы говорим о том, на какую широкую дорогу вывела нас Октябрьская социалистическая революция. Мы родились вновь и встали твердо на ноги, благодаря заботам и помощи коммунистической партии и твоей лично, товарищ Сталин“.[1]

В Великой Отечественной войне против фашистских захватчиков народы Крайнего Севера вместе с другими народами Советского Союза грудью защищали свое социалистическое отечество.

Изданием трудов В. Ф. Зуева Институт этнографии Академии Наук СССР открывает серию публикаций материалов и трудов XVIII—XIX вв. по этнографии народов Советского Союза.

Наши архивохранилища, и в первую очередь Архив Академии Наук СССР, содержат ценнейшие материалы многочисленных этнографических экспедиций XVIII—XIX вв. До настоящего времени не опубликованы многие работы автора классического труда „Описание земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова, а также труды и других участников Великой Северной экспедиции 1732—1743 гг.; не опубликованы анкетные материалы В. Н. Татищева, а также материалы последующих анкет (академическая 1760 г., кабинетская 1783 г. и др.); не изданы материалы многих экспедиций русских промышленников второй половины XVIII в. на северо-восток Сибири и т. д. Эти труды и материалы представляют исключительный интерес для этнографии народов Советского Союза XVIII—XIX вв. Публикация этого ценнейшего научного наследства и изучение его — дело чести советских этнографов.

Подготовка к печати трудов В. Ф. Зуева начата была еще до Великой Отечественной войны.

Эта работа в основном проведена молодым советским этнографом, специалистом по языку и этнографии ненцев Григорием Давыдовичем Вербовым, безвременно погибшим при обороне Ленинграда от немецко-фашистских захватчиков. Вербовым написана вводная статья и совместно с Н. Ф. Прытковой составлены примечания к этой работе. Примечания

[1] „Возрожденный народ. К десятилетию образования Ханты-мансийского национального округа“. Омск, 1941, стр. 5.

по этнографии ненцев и общим вопросам даны Г. Д. Вербовым, по этнографии хантов — Н. Ф. Прытковой. При окончательной подготовке издания к печати в 1946 г. к основной работе В. Ф. Зуева присоединена статья „Об оленях" и примечания к ней Н. Ф. Прытковой. Последней вновь пересмотрены и дополнены примечания и к „Описанию живущих Сибирской губернии в Березовском уезде...".

В лице Г. Д. Вербова (1909—1942) советская этнография потеряла молодого талантливого ученого. Уже в студенческие годы Г. Д. Вербов начал исследовательскую работу по этнографии ненцев, сочетая ее с практической работой среди них по культурному строительству: в 1928 г. он был в экспедиции на Новой Земле, в 1930—1931 гг. в Большеземельской тундре Ненецкого национального округа заведывал 1-м Большеземельским Красным чумом; в 1931—1932 гг. заведывал учебной частью и преподавал ненецкий язык в Ненецком техникуме в низовьях реки Печоры, в 1934 г. был в экспедиции в бассейне реки Пура; в 1935—1937 гг. Г. Д. Вербов выполнял научно-организационную работу в Ямальском национальном округе в качестве ученого секретаря Окружного комитета нового алфавита. С 1938 г. Г. Д. Вербов начал работать в Институте этнографии Академии Наук СССР, по заданию которого в 1938—1939 гг. совершил большую экспедицию по изучению у ненцев по маршруту Пясина — Гыданский полуостров — река Таз-Надым — Салехард-Полярный Урал — Большеземельская тундра — Малоземельская тундра — Тиманская тундра — Канинская тундра. Смерть оборвала жизнь Г. Д. Вербова в расцвете его жизненных сил и творческих возможностей. Покойным опубликован ряд статей по этнографии ненцев, имеющих большое научное значение, им же составлены учебники и пособия для ненецкой школы, изданные Учпедгизом.

Приводим список наиболее важных работ Г. Д. Вербова:

1. „Лесные ненцы", Советская этнография, 1936, № 2.
2. „Ненецкие былины и сказки". Салехард, 1937.
3. „Краткий русско-ненецкий словарь". Л., 1937.
4. „Пережитки рода у ненцев". Советская этнография, 1939, № 2.
5. „Что такое Красный чум" (на ненецком языке). Партиздат, 1932.

Уже после смерти Григория Давыдовича опубликован его доклад в Всесоюзном Географическом обществе „О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в." (Изв. Географ. общ., 1943, № 5).

Работа над текстами В. Ф. Зуева и подготовка их к печати — одна из последних работ Г. Д. Вербова. Многое осталось нереализованным в его творческих замыслах. Большие экспедиционные материалы Г. Д. Вербова хранятся в архиве Института этнографии Академии Наук СССР.

В заключение приводим некоторые данные о публикуемых рукописях и правилах их издания. Обе рукописи хранятся в Архиве Академии Наук СССР.

Рукопись „Описание живущих Сибирской губерни в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов" представляет собою чистовик, написан автором, формат рукописи — пол-листа, объем — 128 страниц, архивный шифр — фонд 3, опись 32, № 19.

Рукопись „Об оленях" — также чистовик, написан автором, формат — пол-листа, объем — 9 страниц, архивный шифр — фонд 3, опись 32, № 12, лл. 194—198 (об).

Поскольку данное издание не преследует специальных археографических целей, орфография и пунктуация подлинника несколько изменены

в соответствии с современной (опущен ъ в конце слов, изменены некоторые падежные окончания, предлоги даны отдельно от слов, раскрыты титла, дана современная пунктуация и т. д.).

При подготовке к печати трудов В. Ф. Зуева Институт этнографии Академии Наук СССР всегда встречал неизменное содействие и помощь со стороны Архива Академии Наук СССР в лице директора Архива Г. А. Князева ученого архивиста М. В. Крутиковой, которым и приносит искреннюю благодарность.

Н. Степанов

Г. Д. Вербов

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ЗУЕВ

Академик Василий Федорович Зуев, один из талантливейших русских ученых XVIII в., автор ряда естественно-исторических исследований, сравнительно мало известен как этнограф. Специальная его этнографическая работа, написанная в годы юности и посвященная ненцам и хантам — народам, быт, социальный строй, верования и история которых по сие время исследованы далеко не достаточно, не была опубликована и известна лишь по труду Палласа,[1] использовавшего материалы Зуева.

Василий Федорович родился 1 января 1754 г.[2] О его происхождении известно лишь, что он был сыном солдата Семеновского полка, из разночинцев.[3] Десяти или двенадцати лет Зуев поступил в академическую гимназию,[4] где воспитывался на казенном коште. В гимназии Зуев проучился не более четырех лет и осенью 1767 г. сдал экзамены.

Условия, в которых находилась гимназия, мало способствовали успехам учеников. По словам М. В. Ломоносова, относящимся как раз к этому периоду, гимназисты ходили „... в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу и стыдно было их показать посторонним людям. Притом же, пища их была весьма бедная и одни иногда хлеб с водою“.[5]

Несмотря на все это, Зуев был в числе наиболее способных учеников и получил, вместе с несколькими сверстниками, похвалу „за хорошие успехи и прилежание“, проявленные на последнем экзамене в 1767 г., за что был награжден книгами по представлению тогдашнего главного инспектора гимназии — историка Фишера.[6]

---

1 P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-Pet., 1773, т. III (П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третия, половина перьвая, 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев СПб., 1783).

2 Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. I. М., 1843, стр. 233; Р. Б. С., т. „Жабокритский — Зяховский“, П., 1916, стр. 558.

3 Митрополит Евгений, указ. соч., стр. 233.

4 В „Генеральном списке учеников, принятых в гимназию Санктпетербургской Императорской Академии Наук по 1765 год“ (Архив Акад. Наук, разряд 1, опись 70, № 2, стр. 222) имеется запись от 16 января 1764 г. о приеме в „нижний класс“ Василия Зуева, 12 лет. Если запись верна, то Зуев родился, следовательно, не в 1754 г., как сообщают его биографы, а в 1752 г.

5 Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII столетии. Прил. к VI т. Записок Имп. Академии Наук, № 2, СПб., 1885, стр. 45—46.

6 Рапорт Фишера в Академию от 24 октября 1767 г. Архив Акад. Наук, фонд 3 опись 1, № 308, документ 364.

В 1767 г. Зуев был зачислен в Академию Наук в качестве студента, прикомандирован к экспедиции Палласа и в 1768 г. отправился с ним в Сибирь.

Свое первое самостоятельное путешествие Зуев предпринял по указанию Палласа в 1771 г.[1]

Путь, которым Зуев ехал от Обдорска до Красноярска, нам неизвестен. Паллас упоминает еще о зимней (вероятно, в октябре или ноябре) поездке Зуева в Обдорск,[2] но точных сведений о ней не сохранилось. На карте маршрутов академических экспедиций, изданной Фальком, маршрут Зуева, названный, впрочем, маршрутом Палласа и неудачно датированный 1768-м годом, охватывает лишь вышеуказанные этапы, до Карского залива включительно.[3]

В январе 1772 г., пробыв в путешествии почти год, Зуев прибыл в Красноярск, где присоединился к находившемуся там Палласу.

Уже первые сведения, полученные Палласом от Зуева с пути, показали, что этот 18-летний юноша является недюжинным исследователем. Результатом первых самостоятельных наблюдений Зуева, проводившихся им по инструкциям Палласа, явилась работа „Об оленях",[4] — небольшое, но весьма интересное исследование на девяти страницах. В своем рапорте в Академию от 10 октября 1771 г. Паллас между прочим сообщает: „От посланного в северную Сибирию в Березов студента Зуева часто получал я весьма приятные известия, и последнее известие писано 8 числа июня. Тогда уже имел он довольное число собранных и перечучеленных птиц, также собрал много известий о тамошних народах и о их языках и намерен был предпринять езду к Обдорскому острогу и даже до Ледяного моря. В письмах своих сообщил мне многие изрядные известия и между протчим достопамятное сочинение о тамошних оленях,[5] а с оного сочинения в скором времени пришлю копию...".[6] В письме к непременному секретарю Академии Альбрехту Эйлеру от 20 октября 1772 г., сообщая о поездке Зуева, Паллас пишет: „При сем я посылаю Вашему благородию копию статьи об оленях, приложенной к его последнему письму и заслуживающей быть представленной в Академию".[7] Объективность высокой оценки, которую дал Паллас первой работе своего ученика, вполне подтверждается мнением и самого Эйлера, сообщившего в своем письме к Палласу от 30 января 1772 г., что „студентом Зуевым Академия весьма довольна, и Вы, Ваше благородие, можете ему это сказать для дальнейшего поощрения. Его статья об оленях будет переведена на немецкий язык и потом зачитана в конференции".[8]

---

[1] О выезде Зуева из Челябинска и о его дальнейшем маршруте сохранились лишь сведения, приведенные Палласом (Паллас, указ. соч., стр. 16—49).

[2] Паллас, указ. соч., стр. 49.

[3] J. P. Falk. Beiträge zur Topographischen Kentniss des Russischen Reichs. B. I, St.-Pet., 1785. Landkarte zur Uebersicht der Acad. Reisen im Russ. Reich.

[4] Архив Акад. Наук, фонд 3, опись 32, № 12, стр. 194—198.

[5] В немецком подлиннике рапорта Палласа — „Renntierzucht" — оленеводстве.

[6] Архив Акад. Наук, фонд 3, опись 32, № 13, рапорт № 33. Рапорты мы цитируем по их переводам на русский язык, сделанным в годы их получения и хранящимся там же.

[7] Архив Акад. Наук, фонд 1, опись 3, № 58, л. 110 (об.).

[8] Архив Акад. Наук, фонд 1, опись 3, № 55, л. 40 (об.). О получении статьи отмечено также в протоколе заседания Академической конференции от 23 января 1772 г. (см. протоколы заседаний Конференции Имп. Академии Наук с 1725 по 1803 гг., т. III, СПб., 1900, стр. 45).

Вскоре после возвращения Зуева из путешествия в низовьях Оби Паллас, в рапорте от 22 февраля 1772 г., сообщил: „Я должен сего студента хвалить, что он, по данной ему инструкции, всячески старался исполнить и через то заслужил определенное на прошедший год для студентов моей экспедиции награждение, которое я ему сегодня выдал в той надежде, что императорская Академия Наук сию вольность не причтет мне в вину. Учиненное им объявлю я только кратко потому, что ныне краткость времени и приготовление к будущему отъезду не дозволяет переслать сделанные пробы его прилежания. Он своею ездою от Обдорского городка около шестисот верст на оленях через северную болотистую страну, тундра называемую, даже до Ледяного моря и до Карского морского залива, доставил первые известия о состоянии и естественных продуктах сей северной страны и северной части Уральского горного хребта... На возвратном пути, осенью, описал он еще рыбную и звериную ловлю в тамошней стране и сделал модели, да сверх того собрал достопамятные известия о нравах и обыкновениях остяков и самоедов, также сочинил словари чистого остецкого, самоедского и вогульского языка...“.[1] Здесь уже содержится прямое указание на материалы по этнографии хантов и ненцев, собранные Зуевым, и положительная оценка этих материалов.

В марте того же 1772 г. Паллас отправил Зуева в Мангазею (Туруханск) и далее, к низовью Енисея, полагая, что летом Зуев поедет „... к северу по степи между Енисеем и Пясидою на оленях даже до Ледяного моря, для открытия еще неизвестных натуральных продуктов северной Сибири“.[2] В эту поездку, из которой Зуев вернулся осенью 1772 г., он достиг лишь зимовья Селякино, расположенного на правом берегу Енисея, приблизительно в 750 км к северу от Туруханска. Как явствует из присланного Палласом рапорта, поездка эта не была столь удачной, как предыдущая. В этом рапорте от 10 октября 1772 г. Паллас пишет: „... приехал уже ко мне студент Зуев 10 августа из Мангазеи. Он в сем году, по причине многих препятствий, происшедших ему от канцелярии, и от недостатка в тамошних странах поселян, не мог доехать до Ледяного моря, но только до Селякина зимовья, где уже совсем леса кончатся и начнется только пространная, мохом покрытая степь до самого океана. И поелику он по повторительному своему представлению не мог от тамошней канцелярии ни довольного толмача, ниже стрелка получить, то, невзирая на свою ревность, не был уже так счастлив в своих собираниях и примечаниях, как первый раз...“.[3]

По возвращении Зуева из Мангазеи Паллас, видимо, считая своего ученика вполне подготовленным к самостоятельным исследованиям, решил отправить его за Урал, в Пустозерск и далее, до Архангельска.[4] Проект этого путешествия не был одобрен Академией[5] и поступил на аппробацию к И. И. Лепехину, только что вернувшемуся к тому времени из своей экспедиции на европейский север, где он и его помощ-

---

[1] Архив Акад. Наук, фонд 3, опись 32, № 13, рапорт № 36.

[2] Там же; Паллас, указ. соч., стр. 127.

[3] Протоколы Конференци , т. III, стр. 73; протокол от 14 января 1773 г.

[4] Архив Акад. Наук, фонд 3, опись 32, № 13, рапорт № 40; Паллас, указ. соч., стр. 447—448.

[5] Архив Акад. Наук, фонд 1, опись 3, № 53. Письмо Палласа Эйлеру от 10 октября 1772 г. из Красноярска (фонд 4, опись 32, № 13, рапорт № 42 от 12 февраля 1773 из Тары).

ники Озерецковский и Мальгин (Малеин) работали в районе, куда Зуев должен был попасть из-за Урала. Через три дня Лепехин представил относительно плана Палласа свои соображения, на основании которых конференция постановила: „... исключить из плана г-на академика Палласа эту экскурсию (Зуева. — *Г. В.*) и довести до его (Палласа. — *Г. В.*) сведения о трудностях, которые возникнут при проведении таковой".[1] В рапорте от 12 февраля 1773 г. Паллас сообщил в Академию, что он решил отменить поездку Зуева в Пустозерск и далее до Архангельска, „... за неимением надежных известий, как должно ехать по оной дороге, также за неимением потребных в пути помощников".[2] Таким образом третье путешествие Зуева на север не состоялось.

В июле 1774 г. Зуев, пробыв в экспедиции Палласа пять лет, возвратился вместе с ним в Санкт-Петербург. В том же 1774 г. он был послан за границу, где изучал естественные науки. По возвращении в Россию в 1779 г. он представил диссертацию по зоологии и получил звание адъюнкта Академии. В 1781—1782 гг. он совершил большое путешествие на юг России, в Бессарабию, Турцию, Крым и т. д.

Будучи уже известным и авторитетным ученым, Зуев в 1784 г. был внезапно исключен из Академии по распоряжению тогдашнего президента — княгини Дашковой. Дашкова мотивировала исключение Зуева из Академии тем, что он, якобы без ведома Академии, принял участие в работе комиссии об учреждении народных училищ. Паллас пришел на помощь своему ученику и добился его восстановления в Академии.

В 1787 г. Зуев получил звание академика и профессора естественной истории.

Умер Зуев еще сравнительно молодым человеком — 8 января 1794 г.

Осенью 1772 г., сразу же после возвращения из поездки в низовья Енисея, Зуев приступил к обработке своих путевых наблюдений, сделанных в 1771—1772 гг., и в результате представил Палласу сочинение, посвященное этнографии хантов и ненцев. Наиболее интересные из сохранившихся об этом сочинении данные содержит письмо Эйлеру от 18 апреля 1773 г., в котором Паллас сообщает: „Так как подготовка беловика описания обычаев остяков, и самоедов, составленного студентом Зуевым по его собственным наблюдениям, задержалась путешествиями, то я упаковываю его при сем и надеюсь, что эта работа свидетельствует о прилежании студента и заслужит ему похвалу императорской Академии. Данная работа не предполагалась к печати и не была для этого предназначена. Я старался почти ничего не менять, чтобы работа могла остаться оригинальной. Сведения, за исключением лишних и неподходящих, а также и дневник северного путешествия этого студента, я включу в третью часть моего Путешествия".[3] Рукопись прибыла в Академию 24 мая 1773 г., о чем 31 мая того же года было доведено до сведения Конференции.[4]

---

[1] Протоколы Конференции, т. III, стр. 77; протокол от 11 января 1773 г.

[2] Архив Акад. Наук, фонд 3, опись 32, № 13, рапорт № 42 от 12 февраля 1773 г.

[3] Протоколы Конференции, т. III, стр. 94; протокол от 31 мая 1773 г. Пометка на титульном листе рукописи Зуева: „Empfangen den 24-n Mai 1773 und den 31 dem der Konferenz vorgetragt".

[4] Архив Акад. Наук, фонд. 1, опись 3, № 60, 52.

Паллас осуществил свое намерение и использовал сочинение Зуева в третьей части своего „Reise durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, St.-Pet., 1773“. В этой части (стр. 14—93) Паллас излагает сведения по этнографии хантов и ненцев, собранные Зуевым. В 1788 г. вышел в свет перевод этой части сочинения Палласа на русский язык, сделанный Зуевым,[1] который таким образом явился переводчиком собственного произведения.

Паллас использовал большую часть материалов Зуева, но в его изложении, снабженном подчас весьма ценными и интересными замечаниями (например о происхождении ненцев, о связи хантского языка с некоторыми другими и т. д.), труд Зуева многое теряет. Само расположение материала у Палласа иное, нежели мы имеем это у Зуева. У Зуева в каждой главе дано параллельное описание различных фактов, зафиксированных им у хантов и ненцев. Паллас же сгруппировал материал по каждому народу отдельно. Ряд описаний он либо совсем опустил, либо значительно сократил. В качестве примеров можно указать на следующие части труда Зуева, сокращенные Палласом: сведения о шаманах, их обучении у Зуева даны подробно, а у Палласа об этом почти ничего не сказано; прекрасное описание плясок у остяков, приведенное Зуевым, дано Палласом с использованием лишь трети зуевского материала;[2] о танцах юраков, тавгов и самоедов, описание которых свидетельствует об использовании Зуевым материалов своей мангазейской поездки, сам он пишет довольно подробно, Паллас же упоминает об этом лишь вскользь,[3] говоря о „самоедских“ танцах вообще. Такое сокращение порождает путаницу, так как из текста Палласа можно понять, что речь здесь идет о тех же самоедах (ненцах), к которым относится большая часть описания, т. е. о ненцах низовьев Оби. Неточность, явившаяся результатом сокращения, проглядывает у Палласа и при описании священных деревьев у остяков. Зуев пишет, что, боясь кражи приношений, остяки оставляют от таких деревьев лишь чурбаны и привозят их в лес для совершения соответствующих обрядов. У Палласа же выходит, что чурбаны „... украся, хранят в сокровенном месте“.[4]

Из других описаний Зуева Палласом пропущены сведения о коллективной охоте на белок и моржей, об охоте на медведя, лежащего в берлоге, на песцов, описание слопца для ловли песцов и др.

В изложении Зуева нередко проглядывает некоторое презрение к неопрятности, „дикости“ и другим чертам „заблудших“ хантов и ненцев. Это и неудивительно, поскольку Зуев выражал здесь типичную для большинства ученых XVIII в. „просветительную“ точку зрения на отсталые в культурном отношении народности. Это, однако, ни в коей мере не мешало Зуеву ясно видеть тот обман и те притеснения, которым подвергались со стороны русских ненцы и ханты. Конечно, Зуев говорит здесь о русских вообще, не подразделяя их на торговцев, казаков, чиновников, но для нас ясно, что именно о них и идет речь. Зуев пишет о ненцах, которые, терпя обиду, „... коей давно избегнуть не могут, ...

---

[1] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третия, половина перьвая, 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев, СПб., 1788

[2] Там же, стр. 86.

[3] Там же, стр. 105.

[4] Там же, стр. 78.

и бунт заводят, который ни самым оружием утолить нельзя, кроме одной ласки...“. Он рассказывает о том, как березовские жители (торговцы), желая купить у хантов рыбу, „... целыми осетрами или за долг, или за несколько листков табаку, или за несколько чарок вина получают“. Все это при подготовке труда Палласа вошло, видимо, в число „лишних и неподходящих“ сведений и сохранилось только в рукописи Зуева.

Ряд мелких деталей изложения также опущен Палласом при использовании им работы своего ученика. Поэтому многие этнографические описания, приведенные в рукописи Зуева и полностью использованные Палласом, все же много теряют в интерпретации последнего. Этнографические материалы зафиксированы Зуевым с исключительной точностью и очень подробно. Многие разделы его работы представляют огромную научную ценность. Достаточно, например, упомянуть прекрасное описание ныне почти не практикующейся у ненцев охоты на диких оленей, подробные данные по брачному обряду у хантов и ненцев, сведения об экзогамных нормах у хантов и т. д.

Труд Зуева явился, пожалуй, первым обстоятельным сочинением о ненцах и вторым — о хантах, если считать относящееся к 1715 г. „Краткое описание о народе остяцком“ Гр. Новицкого,[1] использованное также в написанной в 1716 г. немецкой работе Müller'a[2] и, видимо, знакомое последнему по рукописи Новицкого.

Нельзя не упомянуть также и о том, что в сочинении Зуева имеется несколько отдельных замечаний о кетах (енисейских остяках), энцах (енисейских самоедах) и нганасанах (тавгах), явившихся результатом поездки Зуева в 1772 г. на Енисей.

---

[1] Памятники древней письменности и искусства под ред. Л. Н. Майкова. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г., СПб., 1884.

[2] J. B. Müller. Das Leben und die Gewohnheiten der Ostjaken. Прил. к „Das Veränderte Russland. usw., 1 th. Frankfurt und Leipzig, 1738“.

ОПИСАНИЕ

живущих Сибирской Губернии

в Березовском Уезде

Иноверческих народов

Остяков и Самоедцов,

Сочиненное

Студентом Васильем Зуевым

Мужу, науками просвященному,

ученому и достохвальному в оных попечителю

Петру Симону Палласу,

медицины доктору, натуральной истории профессору, Санкт-Петербургской императорской Академии Наук, Вольного экономического общества, Римской императорской академии и Лондонского ученого собрания высокопочтенному члену,

Милостивому моему государю

от студента Василья Зуева

покорнейшее прошение.

За верх моего счастия почту, естьли сей первейший опыт моих трудов удостоен будет вашего приятия; но тем наиболее усугубите ко мне милость вашу, когда вы, все силы истощевая к приращению пользы Российскому отечеству, не оставите и сей мой малой труд поместить в число ваших исследований, почему и впредь не престану вашему ко всеобщей Российского отечества пользе рачению соответствовать, и наивящше стараться буду, чтоб быть достойным учеником такого мужа.

Глава 1

ОБИТАНИЕ НАРОДОВ

Самоедская земля, последняя часть к северу, сколь дикая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, расположась далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже и с российскими народами; чем наперед можно узнать, что они, более обходясь с русскими, более приняли их обыкновений и поступок и не столь, напротив того, глупы и необходительны, как прочие. Оные хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайшие к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для зверного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на разные места переезжают, как о том ниже явствовать будет.

Глава 2

О ИХ ЯЗЫКЕ

Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неявственно; говорят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо явственнее, нежели последние. Но те самоедцы, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют

почти совсем будто особливой язык и особливое обхождение, которое описывать в особливости, кажется, нет нужды, но можно и без того разуметь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остятскими; с самоядью поступают по-самоедски, а с остяками по-остятски; однако смешение их везде явствует, так что остяк мало разумеет речей его, равным образом и самоедин мало толкует и хотя они жен берут от остяков и самоедцов, но в том нет нимало затруднения, а понеже таковых немного имеется, то и совсем оставить можно.[1]* Впрочем, и те, кои далеко друг от дружки отделяются, однако в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разнствуют, между собою.

Глава 3

ГРАНИЦЫ

Первых, т. е. остяков, уже не неизвестно обитание и место по реке Обе и рекам, в нее впадающим, но самоедцы по всей тундре, подле берег[а] Северного окиана лежащей, разъезжают и разделяются на две части Обскою губою: первая называется Закаменная, по левую сторону Обской губы лежащая, граничит с Пустозерским уездом, начав от вершины реки Соби чрез камень до Карского залива, от которого по берегу Северного моря до самого устья Обской губы; Низовая же по правую оной сторону, от Тазовской губы по Туруханское ведомство границы свои расположила.

Глава 4

О ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ И ТЕЛОСЛОЖЕНИИ

Что же касается до их происхождения, то едва можно верить самоедскому заблуждшему разсуждению. Напротив того, как и русские производят, будто бы произошли от татар, когда славной разбойник Ермак, разоряя Сибирь, рассеял весь род татарской по незнакомым сим местам, и хотя за верное полагают, аки бы Ермак был и ниже Березова,** однакож через толь немногое время нельзя верить, чтоб произошло новое идолопоклонство и совсем новой язык, в коем нималого остатку и сходства с татарией найтить бы нельзя было. И так хотя и совершенно за лучшее б их причесть к роду неведомых прежде бывших в тех местах народов,[2] однако не без основания истории можно положить и самые их речи, о которых, правда, немногие и толкуют.

* Здесь и далее эти цифры соответствуют порядковым номерам „Комментариев". (*Прим. ред.*)

** Но в сем мнении много они ошибаются, хотя бы то и правда, что был там какой-нибудь рассыльщик из ермаковой шайки, которого и вероятно, что они по тогдашнему страху почли за настоящего Ермака. О чем смотри Сибирскую историю Г. Миллера.

Перво, когда еще земля им казалась быть пустая, были в том краю родные два брата, из которых большой назывался Ваги, а малой Хазова,[3] кои оба промышляли первое лето оленей, от чего и были довольны одеждою, на другой же год стали промышлять ежи, тогда были наги, что и принудило из их одному промышлять рыбу, а другому оленей, но когда по прошествии времени один другого звал к себе в товарищи, а обеим своe житье показалось мило, то в том друг дружке и отказывали, отчего рассердясь малой брат назвал большого Ваги, от коего произошли вогуляки и сходственные остяки, а от того произошли самоядцы; однако каждой рассудить может, что сей хорошей вымысел, коему совершенно верить нельзя, а неотменно положить надо, что сии останки суть древних язычников. Впрочем, естьли сравнить их с другими народами в рассуждении их отдаленности, то за подлинно можно почесть особливым, не только в языке и поступках несходным, но и самое их телосложение доказывает род отдельной, ибо пусть остяки по смежности с ими сходны, как и другие дикие в севере живущие идолопоклонники, однако и тут, рассмотря сих двух хорошенько, можно легко знать, которой остяк или самоедин. Между остяками немного найти можно с лица пригожих; напротив того, все росту малого, так что и средних редко найтить можно, волосом же более светлорусые, а самоядцы по большей части волосом черные и чернорусые. Рот большой, губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные, обще же сходствуют между собою, что росту небольшого, лица смуглого, житья грубого; однако последние (самоядцы) гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особливо пол женской), мускуловаты, житьем гнусны, в обрядах очень сходственны.

Впрочем, как немногие о своем происхождении толкуют, так мало об их и разуметь можно, ибо я сам от некоторых слыхал, будто бы и русской был причтен в число третьего брата, коего и доныне называют Луце (коли не вымышлен перевод, что значит воин,[4] а Луце нинзилие — воин сердитой), однако можно догадаться, что они тогда русских назвали воинами, когда при покорении их угнетали. Напротив того, что самоедцы по своему имени называют себя умнее (Хазова войгутта — мужик умной), а остяков глупее, но в том совершенно они ошибаются, ибо во всех поступках и в речах можно остяков предпочесть самоядцам, а может быть и потому, что сии ближе к русским и больше около их обращаются, нежели те, которые живут в отдаленности в неведомых тундряных местах.

Сей обузданной уже почти народ остяцкой почти всякие обиды сносит терпеливо, нежели те отдаленные, которые из малой вещицы по своему заблуждению рады драться, а в случае голодного времени и без причины на русского руки смело подымает. Впрочем же, хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, в случае для русских щедры, к вину оба сии народа, не выключая баб,

девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольно его было, то б мало из малых младенцев на свет выростало. Сговорчивы, заведших бунт орудием не склонишь, кроме ласкою. В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особливо пол женской, для честного честны и ласковы, с соседами согласны, легкомысленны, странноприимчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы. Напротив того, об остяках нельзя того сказать, чтоб были столь дики и грубы, как самоядцы, но что просты, не ссорчивы, прилежны и согласны, в том ошибиться нельзя, и что смело с сим народом поступать можно, то докажет их обузданное снисходительство.

Глава 5

О ИХ ПЛАТЬЕ И УКРАШЕНИИ

Платье, како у тех народов в употреблении, есть простое из разных ими промышляемых зверей, а не от русских покупаемое, кроме одного холста, да и то редкие, разве богатые из остяков, имеют, а прочие по большей части ходят нагие, как и женщины, в однех только тулупах. Мужское зимнее состоит внизу из малицы, которая делается из вешних[5] оленьих кож с рукавицами, длиною до колена, и надевается мешком вниз шерстью, верхнее платье, гус называемое, из зимней оленины или постели шьется таким же образом, но с головою,[6] которой носят на малице. Внизу имеют штаны ровдужные и на ногах из тонкого неплюя[7] вниз шерстью, наподобие чулков чажи,[8] а на них надевают из оленьих лап сшитые сапоги или пимы, у которых подошвы делают из оленьих щеток или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою и бывает гораздо прочнее, нежели из лбов оленьих. Летом ходят нагие в однех только малицах, которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами. На ногах летом имеют легкие ровдужные, наподобие пимов, неговаи,[9] красною краскою и ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают.

Еще ж у их бывает легкое платье, которое в случае и зимою и летом носят, называется парка, и шьется тем же подобием из оленьей телячей кожи вверх шерстью, с рукавицами и головою и опушивается как около подолу, так и около головы белою собачиною. Таковая носится по рассуждению холода и одинакая и по малице, но сию последнюю я видел только у одних остяков, а у самоядцов нету.

Напротив того, женщины остяцкие носят по голому телу долгие тулупы,[10] которые шьют по своему покрою пространные, но чтоб пола с полою сходились, которые завязывает завязками и притом везде строго наблюдает, чтоб пола не распахнулась, чему все русские дивуются,

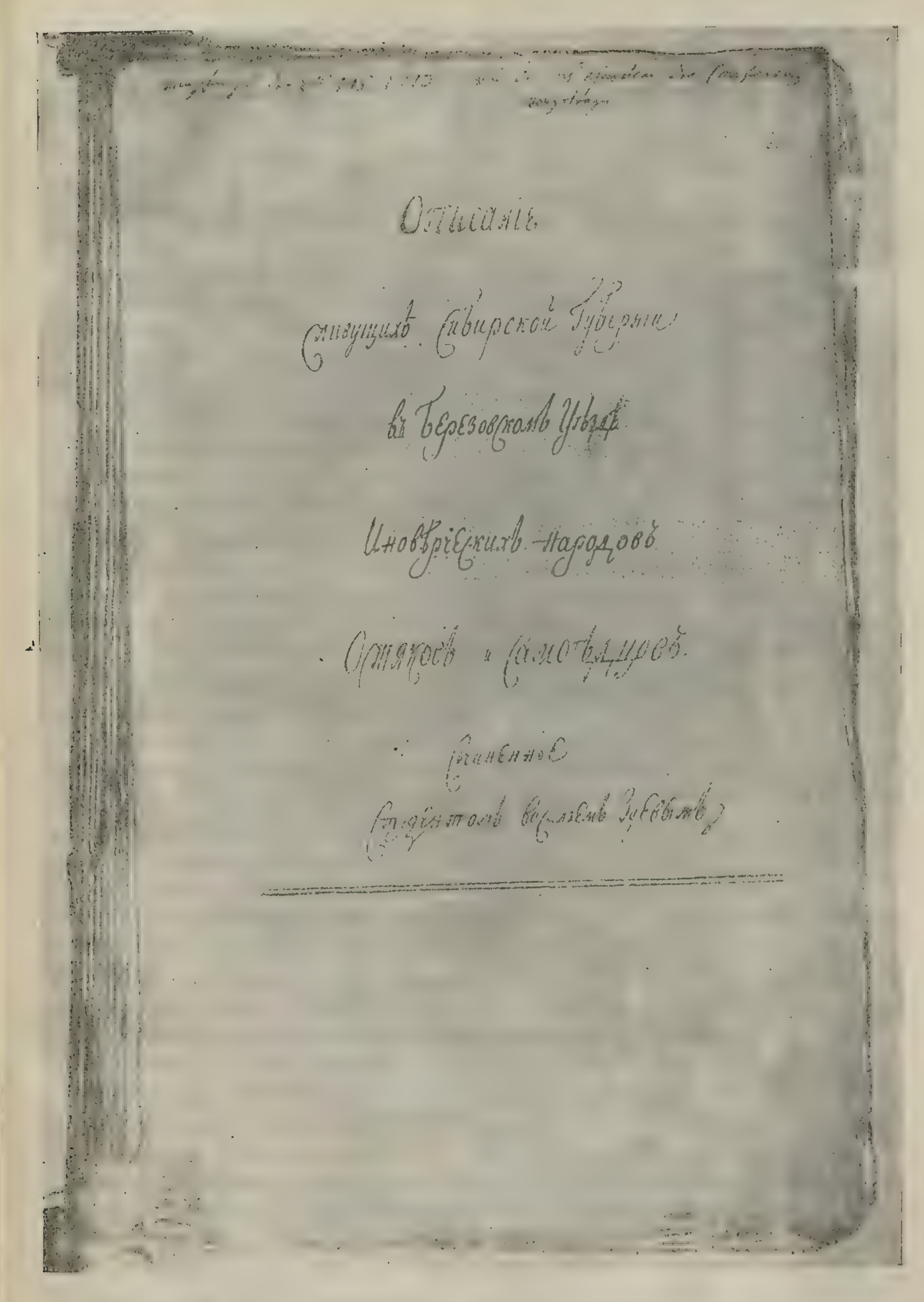

Рис. 1. Лист 1-й рукописи В. Ф. Зуева „Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым“.

и совершенно за великого щастливца между проезжими россиянами тот признается, которой у присевшей в трудах остятки невзначай увидит стыд, заткнутой отлепом,[11] которой делают из таловых стружек, мелко выструженных и после мягко вымытых. Летом ходят босые,[12] а зимой в неговаях.

Что же касается до головного их убора, то сему, не знаю, кто б не мог в их жизни дивоваться. Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что то есть чесать волосы на свете. Мущины ото лба вкруг головы подбревают, а верхушку же оставляют с густыми волосами[13] просто, и хотя они не пекутся о том, чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкой войлошной парик, которой, рукою прокапывая, едва дощупывается тела. В таком состоянии возможно ли подумать, чтоб не было у их вшей множества, за подлинно я сам видал довольно между остяками и самоядцами, что бабы у мужиков ищут вшей не глазами, а ощупью, коих и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что оне де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости. Бабы же, напротив того, головы хотя и не чешут, но долгие свои волосы заплетают в косы, которых две назаде связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку,[14] у коей концы назаде долгие и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее, сверх которого обыкновенно все носят на голове покрывало, по-ихнему вокшем,[15] которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит, и во время прихожих людей и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается; из молодых же, коли что-нибудь делает, то и совсем от сторонних лицом в угол отворотится.

Впрочем, и сие у остяток за неменьшее почитается украшение — выписывать наружность своего тела, из которых на руках я видал столь хитро выписанные фигуры, что дивиться тому надо, как они чрез то себя не могут испортить, ибо в местах около локтя опасных и на самых жилах видно столь глубоко тыкано иглою, что сажа, которою они после иглы ранку замазывают, внутри разоплывшись, немалое синево причинила, но сие хотя я и спрашивал, но никто, мне кажется, не ответствовал справедливо, ибо иные говорили, будто бы сие у их вместо пускания крови служит. Можно бы тому и поверить, но у их вышивают и молодые, равным образом и те, кои в век свой болезни не ведали; напротив того, я почитаю, что каждому остяку более бы надобно было крови прибавить, нежели еще выпускать оной, притом же они, как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и на руках, то совершенно должно почесть за украшение в своем роде.[16] Мущины же хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, которой у их

записывают при ясаке вместо имени.[17] В ушах женщины носят серги долгие на ниточках, на которых навздеты многие разноколерные корольки, а мущины, все также почти имеют маленькие нитяные колечки.

Самоядцы, напротив того, хотя народ отменной и далеко отделенной, однако в одеянии мало разнствуют мущины, ибо имеют то же самое платье, как и остяки летом и зимою. Но о голове, хотя и не брегут равным образом, однако из их более щоголей выбрать можно, нежели из других. Головы хотя не чешут и хотя она также свалялась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти его не развиваются.[18] А пол женской часто оную чешут, убирают обыкновенно бабы на две косы, а девки на многие. Естьли же вдова выйдет за другова, то на виске оставляет для третьей косы растрепанные волосы в знак печали по первом муже. Ходят всегда с непокрытой головою, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам подобные. Серги в ушах короткие корольковые, платье же совсем от остяцкого отменное, а более, думаю, камчадальскому подобное. Хорошее, но одноманерное всегда, платье бывает из разных суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой кожи. Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей,[19] спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем, и на брюхе, вместо завязывания узлом, имеет большое железное кольцо, за которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не пространная, но чтоб полы только сходились, а длиной пониже колена, внизу носят штаны ровдужные, безо всякого затыкания,[11] как у остяков, на ногах пимы либо неговаи.

Впрочем, зимой и летом носят шубы по голому телу. В шубе спит и в шубе от начала жизни даже до смерти пребывает. А мущины спят всегда нагие, в однех только штанах.

Глава 6

О ИХ ЖИТИИ И ЭКОНОМИИ

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтоб верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Нельзя тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается или мокрые о негодную спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому брезгливому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет терпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нималого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и оправлять должны,

будто бы так надо по ихному закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остяки, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строют деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четвероугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особливое строение и строится по большей части четвероугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого окладывается как надо, без перекладывания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей,[20] сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая остятка со всем своим екипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе[21] и естьли случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты пребывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и кастят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму недостанет, то кости тут и поземы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихной прочей поклажи, как оленьи кожи, постели и прочие зверёвые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибору и от воровства опасения, а кожи оленьи около лабазу часто и так на весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт расстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из остяков, кои живут около Обдорска, много таких найдется, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают,

но по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и хотя за хорошое для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихное мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя оно не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят по тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первой случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничнего не имеет отличия, но все одинакое, однако тем они себя щастливыми щитают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или менoю с богатыми, или служением,[22] или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями, однако таковым около своих мало удается исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но естьли такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не боясь нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иноверческие пасутся, и хозяин только один раз в год приезжает пересчитать и перепятнать их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, но уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остяками не судят, а особливо с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почесть за малое, но он, не рассуждая

того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают.

Трудолюбивый сей народ хотя ветреным своим умом и рассуждает, что там или инде место для его будет спокойнее, но истинно везде несносное их состояние, которое, однако, по привычке сносят нечувствительно. На месте хотя б всякой из их хотел быть спокойным, но разные промыслы, которые одне в его уме пребывают, понуждают его вступать во вся тяжкая, и по привычке своей ко всем трудностям уже и не почитают себе оное тяжестью. Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одервенелые руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ими и почитаются. На месте иль в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит есть, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова все в чуму не будет управлено; тут его обсушивает, там обшивает, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают, ибо где б то ни было, не говорит он с ею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность.[23] С промыслов что привезет, жена все убирает и он ни во что не вступается, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделывать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени недоставало, но к таковой суровости еще прибавляет: „скорее". И так во всем у их женской пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало.

О выделывании кож

Выделывание кож обоих сих народов очень изрядно, тем наиболее, что мочи мало боится, которая в мех хотя и попадает, но по высушке кожу не коробит, а только требует вымять ее руками. Оное докажут тобольские купцы, которые невыделанные остятками кожи мало так увозят, только тем недостаточно, что в подбирании пушных мехов мало знают толку. Но какие бы ни были шкуры, выделывают одним образом двумя обыкновенными у них инструментами, из которых один сделан, как узкая коса, в длину дерева выставленная, по обоим концам дерева дырки, чрез кои продернута веревка, напереди привязывается к колу или надевается на ногу, а самой инструмент держит меж колен, острием от себя, об которое последнюю мездру стирает, но сим же отделывают кожу наготово. А перво, когда к выделке еще приступают, то есть у их другая узенькая поскребалка, поперег в дерево вставленная, у коей концы выточены и загнуты оба в разные стороны, сим при первом случае соскребывают толстую мездру, а потом разжеванною икрою или варкою прыщут на кожу, чтоб отсырела, и после свернувши

кладут на сутки, чтоб отмякла, а потом уже начнут вышеупомянутою поскребалкою скрести дочиста, напоследок тут же в чуму сушат и мнут руками.

Но сие разумеется про те, коих кожа толста, как лосина или оленина, а коих кожа тонкая, те выскребаются ножем, а по смочке икрой или варкою мнутся они не на поскребалке, а руками, и поелику всякая кожа у их в чуму от начала даже до конца выделки вешается всегда в чуму, в котором всегда дым вверху бывает, а в погоду так и до полу, то и не дивно, что сии кожи, чрезвычайно напитавшись дымом, мало дожжа боятся. Кроме варения мыла, сия работа у обоих народов общая, как у остяков, так и самоедцов, да и во всей оной главе нет у них разности между собою, но во всем сходны, чего ради о самоедцах и писать особливого не осталось, кроме того, что упомянуть, что каждой из самоедцов сколько-нибудь имеет своих собственных оленей, сам пасет, и разве богатые скудных к себе на помощь будто б в работные принимают, за чрезвычайным еже множеством оленей и при том коли у его детей взрослых нет, то таковых работников нанимает, ибо у их оленей бывает у скуднейшего от десяти, у богатого стадо до трех тысяч езжалых и ему самому каждой пошерстно известных, но кроме сих уже за множеством неизвестное ему число ненаезженных оленей по тундре в стадах просто шатаются.[24]

Живут все зимой и летом в чумах на тундре, а изб никогда не имеют. Женщины равным образом жалки при их трудностях, как и другие, а что сии по степи каждой день в свой век переезжают, то уже выше изъяснено довольно, что до их жития и экономии касается, то ни в чем не разнствуют, разве что самоедцы не имеют лабазов, где б класть свое зверёвое богатство,[25] то они за собою с места на место перевозить трудности не почитают.

Итак, экономия сих народов наиболее состоит как в содержании оленей, так и в разных промыслах, о которых я намерен упомянуть каждое в особливом месте пространнее, а теперь приступаю к краткому изъяснению их промыслов, от коих они питаются.

Глава 7

О ИХ ПРОМЫСЛАХ

С молодых еще лет малые ребята давно привыкают нести всякую трудность, как видно из грубого их житья, которое их ни мало ни в каком случае не приводит в сожаление. Верно можно сказать, что сей народ рожден к понесению трудов несносных, и, действительно, естьли б они сызмала к тому не привыкали, то б отцам мало бы было надежды видеть сыновей больших себе помощников и к понесению трудов удивительных охотников. Лишь мальчик начнет мало иметь понятия, то мать или нянька не иным чем тешит, как бряцанием лушной тетивы, а когда

ходить начнет, уже отец ему и лук готовит. Я, в проезд мой чрез остяцкие юрты, мало видел таких ребят, кои бы в простое вечернее [время] между игрою без лука шатались, но обыкновенно или по деревьям или во что-нибудь по земле стреляют. Там городят езы[26] около своей юрты, там запоры, и кажется, будто бы их игрушки уже будущую жизнь предвещали. И совершенно естьли посмотреть на ез, чрез какую-нибудь реку сделанной, то нельзя видеть, чтоб когда-нибудь тут старики с важанами[27] сидели, кроме малых ребят, а большие сами плавают по рекам или с неводами, или с кылыданами и переметами, где уж малого, или не в силах, или не разумеет, посадить нельзя.

Во все лето остяки рыбу промышляют разными средствами и никуда не отлучаются, которую на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно. Запас их состоит в обыкновенной всем пище. Поземы, варка, порс, ютта, рыбьи кости и проч., из которых последние запасают для корму собак. Но весь свой запас сырьем никогда не оставляют и чтоб не загнил, то оной или на ветру сушат или на огне поджаривают, как, например, поземы поджаренные едят во всю зиму, вместо хорошего кушанья с варкою, тем же гостей потчуют и все летнее время, когда остяк сыт, хотя и не столь к оному лаком, однако, напротив того, зимою и русские охотно вместо даров от их принимают. Летом же остяки потому сего зимнего запасу гнушаются, что видит сам себя уже довольна, и действительно каждой из их тогда как будто переменится, потому что русские беспрестанно тогда к им приезжают за рыбою, и вместо торгу или на вино, или на что иное меняют, того ради нередко и пьяны бывают, а при промыслах почти ежечасно едят сырую рыбу, еще лишь только из воды вытащенную, трепещущуюся с кровью трескают, отчего в тогдашнее время едва с им заговориться можно, ибо рыбей сырой дух, как из роту, так и от его самого принуждает в разговорах от его или стоять далее или и совсем отворотиться.

В то же самое время семейные мужики отходят иногда в тундру за диким оленем вместо гулянки, но сие, правда, редко случается, а особливо естьли рыбы привал бывает хорошей, а по большей части все отходят за разным зверем осенью, по первому насту, гонят лосей и оленей, от коих промыслу осень также провождают без малейшей скуки, ибо когда убьют оленя или сохатого, тотчас пойдут вести от промышленников о множестве или недовольстве того зверя, однако хотя один зверь попадается промышленному, то он со всею роднею тотчас сделает праздник. Разнявши его, в юртах едят перво внутренные его части: почки, легкое и тому подобное, сырые в теплую кровь обмакивая, потом остальное или варит или завяливает на зиму и в дыму закапчивает, дарит своим приятелям сию новость, и сам ест с великим удовольствием, не редко и при жертвоприношении, о чем показано будет ниже. В зимнее же время хотя рыбной промысел из-подо льду и не оставляет, но о зверях тогда более думают, ибо рыбная ловля по большей части

тогда бывает мордами,[28] то сие осматривать могут и малые ребята, а большие и старики здоровые уходят иногда столь далеко в тундру на лыжах, что до самой глубокой зимы не возвращаются. По рекам промышляют соболей и белок, в чистых тундрах песцов и лисиц, и что ему попадется, но больших зверей тогда хотя и не упускает, но целого вести с собою тяжестно, то, сняв с его кожу, мясо закапывает в глубокой снег, за которым после на оленях приезжает.

Горестно сие кажется состояние приводит иногда в сожаление и в большее удивление, когда, начав смотреть на такого промышленника, на котором платье чуть трепещется, на голых ногах чажи с пимами, идет на лыжах по снегу в сильную погоду, тянет за собой с добычей или пустую с запасом нарточку, ничего при себе не имеет, кроме кремня и огнива; лук, стрелы, табак курить и нюхать — суть настоящие его дорожные припасы, и без коих ему обойтись не можно, а особливо табак, на котором вся его лежит надежда. Однако никогда еще не слыхано, чтоб кто-нибудь из их замерзал и в сильные зимние морозы, разве познобит что на лице, то хотя и неудивительно, потому что ходят всегда лицем открытым, но и оное приключается разве тому, которой, вышед первой раз на промысел, морозу испужался и начал лице кутать, тем его и испортил. И хотя совершенно признаться можно, что такому дорожному, всегда на стуже и лишней одежды не имеющему сумнительно, чтоб огонь так много под деревом сидящему остяку мог подать помощи, и хотя они все случай изыскивают к разгорячению своей крови, много курят в себя табаку, много нюхают и после ноздри отлепом затыкают, но при всей свирепости тамошнего климата сие всяк сочтет за маловажное, а верно сказать могу, что они в самой крови имеют большую особливость, как сырое и притом парное, зимою мерзлое, в довольствии хотя каждой час употребляемое вместо лакомства, кушанье докажет, а притом ихные труды и суета наибольшим тому служат средством, как выше показано, что и самые богачи лености вовсе не ненавидят.

Всегдашнее упражнение делает их во всем проворными, но крови в их, за верное полагаю, немногое количество, так что ни сухость тела в крепком сложении, ни бессилие, но скрытые силы тому свидетели, и редкие в их век болезни, кроме подагры, с цынгою смешанной, и расслабления от прелестной охотки — ясные суть доказатели. Мне самому случилось пробовать их пульсы, которые под рукою столь сильно бились, что естьли б положить на напрягшуюся жилу нечувствительную тяжесть хлопчатой бумаги, то б легко то глазом приметить можно было, несмотря на то, сколь их кожа в самом существе толстая и жесткая.

И хотя оне нимало не стараются о применении своего гнусного жития и беспокойствия, однако самою натурою в здравии больше пребывают, нежели российские служивые.

При таковых зимних и летних упражнениях обские сии идолопоклонники не думают много о большем запасе, но сколько ему в год изло-

вить чего удастся, на большее не негодует, ибо знает, что ему в голодное время не привыкать есть всякого зверя, не выключая и падины, а когда им и случится оное, то он не почитает впредь наукою, чтоб лучше исправлялся, но думает, что в его жизни ето в последний раз случилось, несмотря на то, что у русских много задолжает, а платить чем, на будущее уповает. Правда, им всегда удается заплатить долг чисто, ежели только ему хочется, потому что рыбы летом так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят, но гниет сия рыба около юрт, видно, для одного им приятного благовония.

С начала первой весны прилетает туда великое множество разной птицы, которую они днем и ночью промышляют кысканами и перевесами, из коих в щастливой год хорошей промышленник однех уток тысеч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч. Однако всю оную отдает русским или за долг или на муку меняет.

Итак, видя таковое довольство той страны, возможно ли подумать, чтоб остяк когда был голоден, но ветреное их состояние не допущает до того, чтоб он когда-нибудь о житии своем подумал или чтоб установил порядок своей экономии, которая есть совсем прерывна.

Самоедцы, на голых тундрах живущие, как хищные звери, дивно уже ни о чем не думают, как только о своих промыслах зверевых, коих там более находится, нежели рыбы, ибо, переезжая с места на место, или диких оленей ловят и стреляют, или где кляпцы[29] для песцов настонавливает, или около речек некогда и рыбу промышляет, а в летнее время и ленную птицу или неводами, или с собакой промышляют, которое все служит ему пищею без запасения на дальнее время, но на сколько дней ему с фамилиею достанет, без скупости довольствуется, ибо ему кажется, что надежда его не обманет, да и правда, что каждодневные разъезды не оголаживают и тех, кои на пустом месте около самого окианского берегу случатся, потому что всегда на берегу находит какую-нибудь падину, из моря выкинутую, а притом находят и белых медведей и прочих зверей, коих никогда бить не оставляют. Самые богатые самоедцы некогда стоят на одном месте и считают за спокойствие, что несколько времени проведет в рыбных промыслах, а стада оленей и зверевые промыслы препоручит сыновьям, в довольное же зверями время не только сам выходит, но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет, о чем ниже показано будет.

Впрочем, и сие упомянуть здесь не непристойно, что все богатые у их люди, чем богаче, тем скупее, так что хоть у народа и в особливом почтении находится, однако стороннему человеку никоим образом такого узнать нельзя, ибо вся его гнусная позитура и презренная важность доказывают его недостойным такого богатства и чести, которое иногда состоит из бессчетного множества оленей.

Вся их экономия более зависит от оленного скота, и хотя при таком он довольстве и чрезмерно скупо сам с собою и прочими поступает, не жалуется на свое изобилие, а что гнусно ходит и живет, тем веселит сам себя.

Глава 8

О ПИЩЕ И ПИТИИ

Уже сил моих недостает к уверению читателя порочить вовсе гнусное сих диких народов состояние, которое не в одном их житии состоит, но и в самой пище, от которой вся жизнь человеческая зависит; мне нельзя того изобразить довольно, здорова ли им употребляемая, обыкновенная их пища, или последовать той пословице, что „привычка рождает новую натуру". Привычка хотя и сделала их совсем особливым людей родом, однако редкие между ими болезни доказывают, что ихная пища им здорова, разве сия грубость другими самой натуры предохранительными средствами награждается, как то всегдашнее упражнение, труды, разные движения и притом всегдашней открытой воздух, их ни к каким здравия переменам не допущает.

Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоедцов, но и у дорожных русских в знатном употреблении. Состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приуготовляется и разные от того имяна получает, во-первых: поземы делаются из боков рыбьих, не захватывая брюшка и спинки, срезываются кожи с телом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и, наконец, связывают в связки, называемые беремя, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбьи, в коих больше жиру имеется, по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисли, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покудова закраснеет, и как испряжется, то простудя складывают в берестяные лукошка или оленьи брюшины,[30] и сие называется варка.

Делают также поземы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошитые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем на-двое и высуша толкут с костями так мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом не без употребления остаются, но их также сушат и зажаривают, как и поземы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбьих, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из рыбы все черева, кладут в котел, водою наполненный, которой непокрытой

стоит у их в чуму до тех пор, пока кишки протухнув жир из себя выпустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на дне остаются, после снимают на воде плавающей жир кеулем или мелким уполовником и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножем, инача худой промысел той рыбы по своему суеверию заключают. Головной хрящ не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножем по голове не разрезывают, но накось; иначе нещастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывет наверх, а после горячей в холодной воде закаливают, оной уже совсем за готовой почитается и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятии распяливают и на ветру сушат и которой, в случае надобности, еще варить должно.

Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих, кои растолча кладут в котел и наливают воды не полон, которой кипит до тех пор, что останется только одна гуща, на которую еще наливают, что выкипело, и так до трех и четырех раз варят так, что останется на дне один густой кисель, наподобие крахмалу, коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеем.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кипев долгое время, загустеет.

Теперь осталось изъяснить, из каких рыб поземы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на поземы и варку употребляются, но самые лучшие из муксунов бывают. Поземы часто едят одне охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые сухие — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла употребляется, а в случае недостатка в поземах и ютта случается. Порсу едят просто сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем не редко оне употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва дозволяет лишние изготовлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью, летом трепещущую, обрезывая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножем

из-под низу отрезывают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлую стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыбы сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальцы, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отопревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появятся.

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает, ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опалив на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же, и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят.[31] Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла наливают в ночовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не выключая падину зверёву и птичью, не только свежую, но в голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков,[32] лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметают, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют.

Глава 9

О ИХ БОЛЕЗНЯХ

Сие, общее у обоих народов, пищи употребление, уже более мне не дозволяет касаться ихным разностям, но какие б от таковой пищи болезни происходили, можно верить, что молодые у их люди никогда почти не немогут, а разве под старость приключается расслабление во всем теле, то можно почесть от лишних его в молодости трудов, а не от пищи, и потому кажется, что в сем случае каждой остяк избегает болезни; в противном случае, от малой немощи, естьли он оставит

труды и телодвижение и дастся постели, то наитягчайшие приключаются припадки, которые обыкновенно во гроб их вгоняют. Я не слыхивал, чтоб между сими народами кто умер без долговременной немощи, а о скоропостижной смерти, которая больше между березовскими жителями бывает, и не ведают. Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою, которая хотя и редко случается, однако когда попадет к им в юрты, то по неосторожности редко и старики от оной освобождаются, но многие есть такие, которые до смерти сей болезни не знают. Лихорадке, равным образом, более малые ребята подвержены, нежели пожилые. Старикам и ленивцам досталось расслабление, коей сопричастны подагра и цынготная. Напротив того, и французская болезнь им нередко бывает знакома и хотя ото всех болезней они никаких средств к излечению не ведают и не изыскивают, однако те, кои сею последнею щегольскою любуются, по довольном уже страдании издыхают спокойно с тем больше удивлением, что от их к другим она не переходит, хотя и без всякой осторожности с такими здоровые поступают.

Впрочем, и все болезни или, прервав жизнь болящего, оканчиваются или сами собою отстают. Сему можно поверить, что остяки и самоедцы, презирающие мысли болезненные, более спасаются, нежели русские, которые о всякой болезни с опасностию много думать привыкли.

Одно у них есть мучительное лекарство или от лому или от некоторой напухлой инфляммации — прижигать болящее место чагою или березовою накипью, которую, зажегши, кладут на здоровое тело (по-остяцки называется вошь).[33] Она везде там кладется, пережженная в золу, в табак для крепости, но через то табак получает дух не очень приятной, но поелику начало или корень, как сказать, той болезни горящею чагою не скоро найти можно, то иное изыскивают таким образом: кладут оной уголь на больное место и естьли жжет, то не в том месте и на́чало, от которого болезнь происходит. Таким образом перекладывают с места на место до тех пор, покудова найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долгое время и, хотя ему чувствительно, однако, терпит, а чага горит на том месте до тех пор, покудова прожжет кожу и, догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здравие.[34]

Напоследок во всяких опасных случаях от обжорства чилибухою невзначай или и от случайного запору пьют жир рыбей ковшами, отчего у их служит в оба конца вместо рвотного и проносного.

Но сие лекарство более бывает между русскими березовскими жителями, где лекаря совсем нету, в прочих же болезнях остяки слушают наставления также и от русских баб, которые сами на утре не помнят, что вчера предписывали.

Глава 10

О ИХ ЗАКОНЕ

Закон у всякого народа свой есть, но между всеми прочими, разным образом дикими народами, более имеется порядку, нежели заблуждения, какое между сими беспутными остяками и самоедью происходит, ибо, естьли можно сказать, то у всякого человека почти свой закон в его чуму особливой. Заблуждению их и беззаконству довольно надивиться нельзя, хотя они и по примеру предков своих поступают, однако не искореняется глупость прежних установлений, но умножается дурачество; сие в пример представить можно без всякой опасности, что предки их от идолопоклонников ли произошли или от каких чуждых народов, разные веры имеющих, неведомо. Но идолопоклонники в своей вере всегда порядок имеют непрерывной, а сии, хотя и таким же столбам поклоняются и бесчувственным вещам, однако, вдобавок пусчего их заблуждения, кланяются и тому, что у их было прежде во употреблении, чего прежде гнушались, тому напоследок умильные отдают почтения. Просто сказать, что у их закону нету, а имеют только остатки идолопоклонства, которые напоследок и вовсе искоренятся. Почитают и хвалят заблудшее о столбовых своих богах разсуждение. Греху и добродетели, не знаю, что б они приписывали. Идолу своему, инно мало-мало человеку подобному, инно и совсем не сообразующему, кланяются, почитают и в случае нужды просят его со умилением. Хорошо, коли так сделается, естьли же не по вкусу просящего, то чем бедной болван провинился пред хозяином, что стоял в углу, молчал, смотрел и смеялся его дурачеству, чрез что получил себе наказание, что он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи.

Часто такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихных. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными лоскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставя в передний угол, содержит в божеском почтении.[35] Щастлив тот столяр, которой коробкою своею бога сделал. Щастлив и продавец, что продажею угодил шайтану, взяв хорошие за то деньги.

Иначе поклоняются горам, коих или ужасаются или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь, также особливое, дерево, равным образом и деревьям также служат. Однако вящее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, коих они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких славных ворожеев или богатых, или какими

особливыми делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников.

В каждом чуму имеется рукотворенной бог в образ человека, маленькой, сделанной инде коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной. Всех их богов описывать много да и притом же они имени не имеют, так и нужды в том мало.

Домашней бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждой день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал и отлеп (таловые мягкие стружки), чтоб затыкал ноздри и утирался. Оной табак, какая бы нужда ни приспела, хозяин не смеет взять, ниже напойки, боясь, чтоб не раздражить своего заступника. Русские, приехав к им в чум, часто делают, что у шайтана, высыпав ночью, когда все спят, табак, тихонько оставляют рог пустой, что служит у их поутру к немалому в суеверии подкреплению и удивлению, как, дескать, шайтан нынешнею ночью так много табаку вынюхал, — конечно, куда-нибудь за промыслом отлучался.

Все в чуму, не выключая баб и девок, каждой имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждодневно по обычаю своему тешат.

Впрочем, хотя они никаких священных чинов и не имеют и праздников не знают, но при всяком жертвоприношении служат только шаманы или ворожеи, которые хитростью своею глупой сей народ обманывают; они, по большей части, и уставщики их веры и закона, другие — богатые люди, ибо во всяких случаях, что один начнет делать из ихных почтенных, то и все прочие ему последуют.

Божков своих происшествие полагают от предков и, хотя их обожают, однако власти над светом никакой не приписывают, а изображают одного вышшего над оными таким же болваном, как и прочие.

Почитаемый во всем роде остяцком бог и славной изо всех идол установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска. Стоит в лесу, куда от русских и дорога скрыта, опасаясь, чтоб не обокрали, тут ему наибольшее почтение и жертвоприношение бывает ото всех, некогда и нарочно приезжающих. Имеются два болвана в образ человека, один мущина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием. Стоят в лесу, в маленьких, нарочно сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные, вкруг их накладено довольно всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и прочее.

Примечено, что мущины мужскому болвану, а женщины женскому кланяются, служат и всеми силами равным образом украшают, и в особ-

ливое время жертву без мужского полу приносят, где также и служит ворожейка, а не мущина. Вокруг их развешены на лесинах оленьи постели, которые после жертвоприношения ему в подарок на деревьях оставляют; дерево же, к которому болван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями, а наверху обвивают жестью и привязывают маленькой колокольчик, которой во время ветру позванивает, по лесине же развешены инде небольшие лука со стрелами и прочее.

Сие болваново место остяки несказанно берегут, чтоб проезжие как бы не покрали, ибо прежде у их бывало, и во многих местах такие богатые идолы по лесам расставленные, и многими богатыми вещами одаренные, бывали и деревья стоящие, равным образом обогащенные, и в лесу оставляемые, но узнав, что русские до таких вещей, напрасно тлеющих, лакомы, то ныне делают иначе. Из того дерева сделают большой чурбан, которой нарядят хорошими сукнами и однорядками, снабдят всякою посудою и так привозят на то место и по принесении жертвы опять увозят обратно.

Болваны, после умерших, не незнатных в своем роде стариков, имеют также себе почтение, ибо, где он жил, сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целой год. Напротив того, и жена, естьли мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует, и с собою на постелю спать кладет, но сие показано будет ниже.

Напротив того, все места, кои в лесу богам отведены, как дачи, или по протокам, или урочищам и горам, в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради нижé дерева рубят, нижé из реки воды против того места пьют по тех пор, пока пределы его границ проедут с такою осторожностью, чтоб и близко под берег не подъехать и веслом до земли не коснуться. Оное столь крепко наблюдают, что как бы ни захотел пить и что ему ни сули, однако пить не будет. Часто бывает, естьли у шайтана пределы проезжать далеко, то запасают с собою воду, и как бы его нужда ни приспичела, однако не выйдет на берег, разве проплыв шайтанские границы.

Все места, где такие славные шаманства производились, долго между потомками еще почитаются, но разве уже совсем знаки того места уничтожатся, нередко у их и места также переменяются при жизни еще славного тадыба, что бывает по некоторым особливым примечаниям, ибо случается, что в некоторых хороших местах увидят много птиц и зверей, такое почитают богам приятным, напротив того, естьли увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут,

что за великую себе обиду почитают, естьли узнают, кто отважился разорить гнездо его.

Часто бывает, что весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается, а особливо тогда, когда какой-нибудь полномочной проедет и против их установлений что-нибудь сделает, тогда они долгое время будто бы вне себя ходят, не зная, как умилостивить своих шайтанов, ибо оне все единодушно думают, что русской от их оплошности узнал о их законе и то сделал, то неотменно и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует. Сие натурально рассудить можно, что и просвещенные люди от многой думы довольной вред себе получают, а сии в то время так бесятся, что истинно ни о чем не мыслят, как только опасность себе представляют, а особливо их богомерзкие шаманы в тогдашнее время то и дело им сны свои толкуют. Иногда жертву приносить и шаманить советуют, иногда разные происки изыскивают к их большему утеснению думы, ведая, что ему за каждое жертвоприношение и шаманство каждой должен платить по возможности, и знает, что ему последнейший из остяков не даст меньше одного оленя.

Таким образом, в таковое время немалая погибель бывает оленям и немалая корысть помянутым обманщикам случается, ибо богатой, будучи со всех сторон такими плутами уверен, уже вдался в печаль большую, чего ради не рад уже становится всему своему имению, не жалеет целого стада оленей поставить пред шайтана на разные мучительные кары, не жалеет поднести наилучших зверей своему шайтану на умилостивление, не щадит себя, также и дарит ворожея, желая от его выслушать доброго предвестия, однако по тех пор желаемого не получает, покудова не исполнится шаманская ненасытная утроба.

Глава 11

О ИХ ТАДЫБАХ, ИЛИ ШАМАНАХ

Теперь приступаю я к их шаманам, или ворожеям, по-самоедски — тадыбам, кои у остяков в такой тайности содержатся, что хотя и спросишь у его про шамана, но он не только имени его не скажет, но и от искусства его отпирается. Сии обманщики хитростью своею заслуживают у их некоторое почтение, а каким образом они в шаманы производятся, того совершенно сказать не умею, слыхал только, будто бы от частого толкования снов они признаются от народа, однако сего недовольно, ибо без какой-нибудь науки от прежних ворожеев и без употребления бубна, не может он к такому страшному по их делу приступить на первой случай и предсказаниями своими ответствовать на вопрос при шаманстве стоящего народа, но должно думать, что отец или мать, не хотя открыть своих обманов пред глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их в истинную; однако мы хотя и почитаем

их невежество обманом, но они, верно, не от хитрости, но от заблуждения это делают и сами тому ж не неверят. Они ни малой отмены ни в житии, ни в поведении, ни в чем не имеют и не разнствуют от простого остяка, а только что титул носят шамана, которой все народы издревле почитают. Напротив того, все шаманы одними только мнениями отличны, потому что завсегда на лице своем носят удивительную важность, чрезвычайно много думают обо всем, почему и кажутся они будто холерики; обо всем толкуют с великим уважением и, напротив того, сие знак вящшего его достоинства — бешенство и пугливость, которыми они так одарены, что нельзя думать, чтоб сие была правда. Я не знаю, чему ето между ими приписать надо: слабости ли их состояния, или легковерию, или вовсе глупости. Правда, за лучшее признаю причислить оное к роду болезни, но тем невероятно кажется, что вдруг в здоровом человеке сделается такая перемена, которая нередко до худых следствиев доводит; и хотя весь народ, как видно, от природы пужлив, но сии шаманы уже неудобоверимо пугаются самой маленькой безделки, а особливо тогда, когда его рассердишь, тогда он несказанно бесится, скачет, валяется, ухает, бьет и что б ему в руки не попало, всем готов уязвить предстоящего. Самое начало их пугливости, когда дразнить начинают. Свист лишь только услышит, тотчас из лица выступит, побледнеет и начнет мешаться; потом естьли на его дунешь, тоже последует, а после, ежели ему хотя чурку покажешь, то ему неведомо чем покажется, которой он со всяким поспешением убегает, обороняется и всячески страшится. Я знаю одну бабу, которая не бесславная колдовка, и во многом правду угадывает, только у их не шаманит за старостию. Она столь пужлива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель со свистом дующего, боится. Сие, неотменно должно почесть, происходит от отягощенных их разными мнительными идеями голов, которые иначе были бы пусты, естьли бы разными страшилищами не были наполнены.

Ворожит она, смотря на огонь, на воздух, на солнце и прочее, но каким образом, того ниже самым цельным вином и спросить не можно. Другого видел я на р. Енисее самоедина молодого, в Селякине зимовье, которой больше показал страсти своего помешательства, ибо когда ему покажут палец, то он боится, представляя, будто бы его палкой бить хотят. Сие из того разуметь можно было, что он хватается за его обеими руками и после сам укрывался, потом по долговременном чрез толмача уговоре, чтоб ничего не боялся, надел я на его руку черную замшеную перчатку и сам уговаривал. Он перво смотрел на ее пристально, а потом так взбесился, что естьли б подле лежащей топор попался ему в руки, то б верно не спастись бы нам было: он ревел изо всего горла, бросался во все стороны, искал, чем бы оборониться, трясет всею рукою, чтоб сама перчатка свалилась, а другою рукою и прикоснуться не смеет, представляя себе, что ето не моя рука, а медвежья лапа, чего ради

с страхом принуждены его схватать и перчатку сдернуть, тогда он мало-помалу образумелся.[36]

Таким образом, весь оной род людей по своему малоумию так пужлив, что в сем одном имеет немалую отличность от прочих диких народов, однако простые, еще несколько отважнее, кроме богатых и пужливейших шаманов. Русские, а особливо незнающие в шутках от своей братьи, подбиваются испужать какого остяка или самоедина, нередко такую веселость с большим уроном терпят, так что естьли не успеют разбежаться или его схватать, многие от его ножа горестно погибают. Напротив того, и испужавшемуся, естьли противники не попались, то он, тайно, с злобою взошед в юрту, позабыв своих сродников, отца, мать, жену или кто попался, всех бьет или колет, ежели в скорости не схватают. В таком случае, коли схватают, образумлевают его опять паленинною, то есть тотчас отрежут лоскут от оленьей постели с шерстью, зажгут и дадут ему понюхать, тем он здрав становится.

Равным образом их шаманства происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием и со всем кажется мучительным образом.

Оные их шаманства бывают более от видения снов особливых, когда ворожей во сне видит что-нибудь страшное или удивительное, тогда созовет соседей из ближних юрт на предсказание, или и из простых также кто что увидит во сне, то и спрашивает своего шамана. Таковым вопрошающим волхвования отправляют таким образом: ворожей или волхв связавшись бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия диявола, которой будто бы на вопросы от его ответствует о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо ответов стоят с непрестанным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его, до тех пор, пока над им синей туман или дым явится и обстоящих разгонит (но он действительно и без того весь в дыму стоит, потому что, где он ломается, тут во все время огонь дымом курится), а шаман, подымаясь, то и дело бросается во все стороны будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывают, а очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы, что только вздумает, то и бредит, рассказывает им все, как он видел дьявола и что с им происходило, и совершенно, что его пустая голова и в спокойствии мало о добром помышляет, а в таких беспокойствах может быть какими мечтаниями и заражается, но сие всякой благоразумной человек рассудить может, что сущей обман и самое заблуждение и что оные плуты шаманы для бездельного приобретения сами себя ломают и мечутся так, что после ослабеет и приходит в беспамятство, но чтобы дьявол мог ему что-нибудь сказать о предбудущем, не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно, так никто не токмо

верит, да и за истину поставлять не может; только то подлинно, что оные шаманы, как хитрые и догадливые люди и в обстоятельствах дела о многом догадаться и некоторые следствия предсказать могут однеми только догадками, но опасаясь, чтоб оне в вралях не остались, то ответы свои сказывают так, что из их надобно только заключать, а естьли что не точно сделается, то они свои слова толкуют в иную сторону и бедных людей верить заставляют.

Я в мою езду между простыми остяками и самоедцами никого не находил столь любопытных, столь к вопросам прилежащих, как сих шаманов, которые обо всем выспрашивали меня, что до их, кажется, и не касалось, а сами о своем ничего не рассказывают, а хотя что и скажет, да и то нехотя, а от больших вопросов всячески убегает.

Самоедское тадыбство не имеет узаконенного времени, когда б оному праздновать надлежало, но оне, согласясь, как вздумают, так и позовут своего шамана. Уже небезизвестно, что помянутым шаманам каждой день снится, по которым снам они и толкуют, как ему захочется. Иногда же и один, кто вздумает, зовет, один за посещение и отдаривает, а естьли все звали, то все и дарят по возможности. И так званой такой тадыб, или ворожей, приходит в чум богатого самоедина в обыкновенном самоедском платье, гусе и малице, а между тем с собой приносит бубен и платье, которое он в действии надевает, садится, пришед, посереди чума на одной стороне. Между тем, знающие будущую ворожбу, смотреть кто хочет, сходятся вкруг его по обеим сторонам чума, в то самое время раскладывают в чуму большой огонь и сушат бубен, чтоб был звончае, а он, между прочим, одевается в платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи, чтоб был гром, когда он ломаться будет, и так, когда он оденется, то все самоедцы, кои тут есть, закричат сильно в один голос с протяжкою: „Гой!“ — а потом долгое время перекликаются между собою порознь: „Гой! .. Гой! .. Гой! .. Гой! .. Гой! ..“ Тогда ворожей, сидя на своем месте, перво озирается диким образом, поглядывая на все стороны, поводит глазами, вверх и вниз смотрит, потом берет бубен в руки и перво колотит тихо, сделанною нарочно к тому палкою, обшитою оленьей лапой или по тамошнему кысом, сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит шибчае, а напоследок изо всей силы и, вскоча с своего места, скачет по чуму и ломается, бросят бубен на сторону, долгое время так бесится, при большем огне, в дыму, отчего такая в нем сделается перемена, что иной обессилевши падает на землю и так рассказывает, пев то, что ему во сне снилось, и что он из того заключает к уверению председящих.

Другие же есть такие, которые в таких случаях делают невероятные действия, и хотя совсем непонятные человеческому разуму, однако же, уверясь словам и самых самоедцов, и русских людей, кои некогда слыхали и видали, осмеливаюсь предложить не к возмущению гисторию,

но к слову слышанное, неудобоверимое и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бешенства, некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впустя по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого знаку на ноже. Знаю я сам, что шаманы в то время не толсто одеваются, но каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно. Другие ж,* перевязав шею веревкой, концы дают двум посторонним человекам, чтобы тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая по сказкам самоедцов и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав востает и с головою.[37] Невозможное дело.

Правда, хотя сие без знания обмана кажется и невозможно, но должно почесть, что неотменно в сем деле есть какое-нибудь их искусство или и сущей глупым зрителям обман. Недаром все оные шаманы таятся русских людей, чтоб не усмотрели их хитрости. Правда, что сие и не все шаманы представляют, но я слыхал про многих и ведаю, что у меня в провожатых от Обдорска до Северного окиана такой самоедской шаман был, который всему етому был искусен, но прочими самоедцами так утаен был, что по отпуск его не мог ни от кого наведаться, кроме сторонних, про его искусство, однако хотя б и во время его у меня бытия спознал про его шаманство, но прочие б все о незнании свои головы за его положить поручились.

Но мы возвратимся к прежнему своему делу о продолжении их шаманства. Когда он, очнувшись, поет при великом жаре, в дыму, испущая страшной из себя пот, то другой, подле его сидящий, повторяя его речи, подпевает тут же, и так далее продолжается без всякого особливого окончания. Но когда петь перестанет, то все по своим чумам расходятся, подаря своего тадыба по возможности. Из говоренных речей всяк свое мнение в заключение будущаго прилагает.

Сие у их употребляется во всяком особливом случае, но богослужение их, хотя и соответствует разным образом безумию, однако производится иным образом, но нередко и с шаманством.

При жертвоприношении употребляют оне все, что им мило, то своему болвану и посвящают, иногда живые рыбы приносят и, положа пред мнимым своим богом на землю, кланяются (подобным образом, как приходит и к воеводам) и просят о неоставлении, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут ему в подарок какую-нибудь новую завеску, коею его обернут.

---

* В числе провожатых чрез тундру до Северного окиана я имел такого тадыба, который сему был искусен, и хотя я знал, что они русским таких фокусов не открывают, однако и он, спознав, что я единственно за таким делом послан, поскорей от меня отпросился назад, а я, не зная про его искусство, отпустил обратно. Он назывался Локо̀.

Другие приводят оленей и, поставя живого пред болвана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют. Между тем, один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около того болвана, коему олень в жертву приносится. После того, выжав кровь из оленьего сердца в особливую посуду, покропляют свои шалаши, а остатками мажут губы своему болвану. Кожу оного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских* песен. Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздают по часточке своим приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван остальным жиром губы свои улучит помазать. По окончании обеда все начнут махать палками и кричать во все горло, что кому на ум взошло, а сие значит провожание того божишка, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать.

При таких провожаниях делают оне разные действия: инде стреляют по три стрелы каждой, инно далее пение свое продолжают, но зачинщики всего — их шаманы и богатые люди, ибо что он только начнет делать, то и все подхватят.

Славное когда бывает у их жертвоприношение при многолюдном отовсюду съехавшихся собрании, тогда удивительное и жалостное бывает скотское падение, ибо при такой их ревности к болвану один другого превзойтить старается, желая пред всеми доказать свою усердность к проклятому изображению. Жалости более достойной, сей зверь олень, не ведущей будущего мучения, смиренно идет на жертву бесчувственному болвану, отдая жизнь свою глупости хозяйской, и действительно удивления достойно, что свет еще таковых кар не ведает, каковые глупые сии народы над животными умнейшими себя производят, ибо в бешенстве своем пред божишком не знает уж он, что делает: колет оленей всех в задоре, сколько ни пригнал с собою, и разве только под себя в санках оставит двух или трех. Желая перещеголять свою братью и доказать ревность к мнимому своему богу, всякие изыскивает кары и мучение: бьет, стреляет из лука отвсюду; колет же не так, как добрые люди, но со всех четырех сторон обвостренными кольями пропинают. Сие у их наивящше почитается, потому что олень, и сзади и спереди пропнутый, смирно преклоняет в изнеможении пред болваном колена, к их пущему заблудшему мнению, что, дескать, нашему болвану и олени покорны.

---

* Песен никаких они не имеют, а кому что на ум пришло, то и лепечет.[38]

Других приводят к такому реки месту, где б был или омут, или бык, или какое б быстротою особливое место. Тут, навязав на шею оленю большой камень, кидают в воду и тем жертву свершают.

При частых таковых многолюдных жертвоприношениях можно сказать, что не столько в ясах рухляди собирается, сколько на приклад и пагубное действие пропадает, ибо, я думаю, каждый бедняк должен хотя раз по своей вере чем-нибудь жертвовать своему болвану, а сие верно знаю, что в ясак он лучше худых два зверя положит, нежели одного доброго, которого своему богу посвящает, а богатым одного или двух зверей убить очень постыдно; того ради по крайне[й] мере должен убить десяток или, при таком множестве народа, не стыдно будет и два или три заколоть. Между тем, каждый кроме того дарит болвана самыми лучшими зверёвыми шкурами, как добрыми лисицами, песцами, россомахами, соболями, бобрами и прочее, не рассуждая того, что лисица стоит многого числа денег, но бессмысленно на ветер отдается; и совершенно давно бы все тамошние ниже Березова леса белели б чистейшими оленинами, естьли б русскими хищниками число их не умалялось и ветром и дождем не изгарали.

Ежели убьют они медведя, то бывает опять особливое действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана — мнимого своего бога — на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося извинение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо-де железо, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило, а просим прощение в том только, что стрелу, натянув, пустили. Понеже боятся, думая, что душа оного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся.

Из сего видно, что оне во всех зверях душам быть почитают, но есть ли подлинно, по их мнению, и в прочих мелких животных о том речи заводить не случилось. Медведя же боятся и отдают ему душа, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко. Но естьли б в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали.

В болезнях же равным образом поступают с оленями: смотря на долготу немощи, столько и убивают, но нередко при опасности болезни богатые и по десяти вдруг в жертву приносят. Приведенного оленя поставят перед чумовыми дверьми, сквозь которые протянут веревку, однем концом за ногу оленя привязанную, другим же за руку больного. Между тем больной, лежа в чуму, а прочие вне чума просят своего заступника — болвана, часто указывая на небо, чтоб он вылечил в немощи находящегося. Но как больной, в чуму лежащей, нарочно или невзначай лишь только дернет за веревку, тотчас и давят оленя, а после варят и едят, кожу себе берут, голову, одну кость с рогами, на кол втыкают, а больному болящее место помазывают кровью и жиром и между тем

обыкновенно лоб. Но естьли больной нечаянно за веревку дернет, то сие наивящше почитают, думая, что в тот час убить оленя самому богу так изволилось.

О присягах самоедских

Теперь при ихном заблуждении не непристойно кажется объявить и самые их клятвы и присягу, каким обравом и с какими притом договорами они присягают, но чтоб клятву отличить от присяги, то упомяну здесь, что они, хотя и всем, что только глазами видят, клянутся, однако их, так сказать, божбе не очень верить можно, ибо нередко при крайностях не оставляет он ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха, ничего иного, чем ни побожился, но еще обманет, и сие случается только в долгах или торгу с русскими, а в важных делах, как в воровстве, в верности и в прочем, заведены у их присяги, которые при сем прилагаются и на ихном диалекте и на русской язык переведенные, а хотя они некогда и против присяги бунтовать думают, то оное не должно почитать нарушением, а верно по какой-нибудь причине, либо увидят какую обиду от русских, коей давно избегнуть не могут, то от нетерпеливости и бунт заводят, который ни самым оружием утолить нельзя, кроме одной ласки,[40] либо от какой-нибудь ложной вести, для их неспособной, которую пронесет между ими какой-нибудь бездельник. Однако напоследок более тому и достается, кто оное между ими выдумал, ибо оне уже тогда не стоят за своего товарища, когда узнают, что он ложь им предсказывал.

Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и притом должны говорить сими словами:

C'hu málhana mam̀ Parawadan elibjùd ĵámbana sowà ŝjunséna ni — ĵengù charènt śièk epsù, sowa ir madangu mang jôltjchewý aìwam̂ir ni saldangù, ápsananda chuǹjô chaëptschù nibÿnà aǹi amhari sérkana sérta ŝjum taī̂wapsù, t̂jukì émnĵa hÿlowÿ̀ wòrga ŝjum táaptaī̂, t̂jukì howurtà n̂jan̂ju ŝjo ernjâ núlgêĭ, t̂jukì tupka aǐwam̂i soppàt, char ŝjum mottidéngu.[38]

Перевод:

Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножем мне бы зарезаться.

Другой род присяги почти сему подобен, но разве для некоторого отличия в словах упомянуть здесь не непристойно, ибо сие зависит

от толмача, которой им при присяге что велит говорить или делать, то они и слушают, но перед началом второй сей присяги расстилают медвежью кожу, а их около ее поставят всех на колени и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя и между тем, в знак сущей верности, каждой ущипывает шерсти. Речи же говорят следующие:

Téda tj̀uk̀i em̃nĵa Parawâda budÿrì chaĭpĵâĭdi sj̀an mjân sérkana sittè jînzelèĭde, amgari tabadangùda, míbÿna chna chud aĭdaptangùda saĭnórtschi ébta îjndÿkana nisi sj̀antsch, sertaĭdi, parawàda áiwamir pongàna saldàide, budÿrì pongàna sowansèr ĵîlèĭdi, teda mamÿ manw dat, amhar̀i mandanguda nibÿna ni enselè ngun, tjuk̀i palÿnà aiwà saptangùda char sit motridengùda, njan sĵóna nichaidangù, piunsida worga sidÿ omtàda

Перевод:

Теперь в том государыне вы присягаете, во всяком деле будете ей послушны, что повелит или куда пошлет, хотя и на войну, живота своего не щадя, исправляйте, государев ясак каждогодно платите, между собою живите согласно, теперь из говоренных мною речей что преступное учините или не будете послушны, етою шпагою вам головы отсекут, ножем себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест.

Естьли же между ими сделается какая ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих еще решить нельзя, то велят одному из их учинить следующую присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещевают, представляя ему страшные примеры, потом дадут нож, коим он болвану нос отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:

Chu mahanà man tĵukì purdórpÿbsÿǹa sĵakàn chaĭ pĵangu, taĭbì ĵoltj-chembòĭ man pÿleù ĵodam, tupkàna aĵami ĵandána taaptangù, wòrga poderána sj̀um omtàĭ, sĵan mĵan ĵa'bsida ser man nĵa'nda tutta.

Перевод:

Естьли я в сем споре неправо клянясь, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы бессчастие на меня пришло.[41]

Сию же клятву употребляют и свидетели, чему крепко и верят, и естьли кто неправо оным клялся, то, конечно, какое-нибудь наказание вскоре последует. И действительно, сей народ в таких случаях

столь справедлив, что при ихной дикости можно их в сем почесть вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что нещастие воспоследует от угрызения неправой совести, и он неправо присягнуть не смеет. Впрочем, в небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше.

Что ж касается до князцов их, то они ж никакого ни окладу, ни особливого почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей, да и те один только титул князца на себе имеют, а питаются всяк своими промыслами, по смерти же оных правление жалованных достается по наследству сыновьям тем, кои ясашными усмотрены будут и удостоены к тому способными, а у которого наследников не осталось, то выбирают между собою лучших и умных людей; но богатые по большей части у их в особливом пребывают почтении, почему и можно всех их назвать как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопи, за им ходят, а пьяного водят под руки и носят за им, что подарочное или оставленное.

Глава 12

ОБ ОБЫЧАЯХ И ПОСТУПКАХ

Что касается до их обычаев и поступок, то нельзя сказать, чтоб у обоих народов не были одинакие, ибо как всегда пребывают и остяки и самоедцы между собою в согласии и всегда почти друг друга посещают, а особливо в зимнее время и мену между собою производят,[42] как самоедцы меняют оленей и рухлядь на съестные припасы, то из оного заключить можно, что во всем у них сходственность немалая, кроме самых вероломных поведений, да и то не в лишнем отличестве. Обычаем, что они грубы, в поступках приимчивы и просты, сие обоим народам сходственное, а что оне для хорошего человека с подобострастием не жалеют лучшего, обоим сродно. Одним словом сказать, что из их ни один не имеет пред другими преимущества и исполняют по своему поведению с большею только искренностию, ибо когда к ему из хороших людей кто приедет, то желает его угостить ревностно и для того велит тотчас убить хорошего оленя и сварить только для его язык, мозг и грудинку и несколько кусков сала, что почитается у их за лучшее кушанье и знак достойного гостя. После же обеда дарит его по возможности, желая доказать свою услугу и благодарность за посещение.

Но бабы остяцкие или девки никогда почти не кажутся и никогда почти видеть их не можно, потому что, лишь только появится новой в чуму человек, то тотчас, закрыв лице вокшемом, отворачивается лицом к стене и что надо делает, а нередко случается, что и из чума совсем в другой чум уходят, и остается одна старуха, но сие у их не значит

ревность мужнюю, но самой стыд женского пола, которой у обоих народов ни за что почти в свете не почитается.

Напротив того, о самоедках того сказать нельзя, ибо те никогда голов своих не покрывают и хотя в таком же презрении у мужчин пребывают, однако как мало проезжих у себя видят, так мало и стыдятся. Между собою они равным образом ни малого приятства, ни учтивства ни знают, да и не сродны к тому, не знают оне, как шапки скидываются Приехав к другому в чум, никак не здоровается, а садится прямо, где нашел место пусто. Хозяин же, зная своего друга, уже знает, что его потчивать надо, но потчивание их уже известно. Зимой поставят варку с поземами или мерзлой рыбы, летом свежей сырой, или что сварит в котле, тем и потчует. Недавно еще, как они приняли от русских снимать шапки пред хорошими людьми и говорить по-остяцки — визя (здорово и прощай, все одно),[43] по-самоедски — дорово,[44] которое слово, видно, совершенно русское, и они его при свидании и провожании гостя также употребляют, но понеже своего собственного не имеют, то между собою и не здороваются, а только с русскими так поступают.

Глава 13

О УВЕСЕЛЕНИЯХ

Увеселений имеют между собой очень мало, а особливо самоедцы, и я почти совсем не слыхивал, может быть потому, что они, как народ кочевной, редко во множестве бывают, но, будучи на Енисее, слышал, что самоедские увеселения точно как и некоторые камчадальские, но в сем не могу ручаться; имеет ли по правую сторону Тазовской губы к реке Енисею живущая Самоядь некоторую отличность от обских самоедцов или нет, верно не знаю, того ради и увеселения здесь упоминаются не обских, а енисейских самоедцов, которые, стоя когда-нибудь во множестве при одном урочище, производят разные веселости, или просто сказать, кто что вздумает, тем и веселятся; иногда зачастую имеют увеселение в скачке, разбежавшись от меты по три раза, кто скакнет далее, также и борются, но сие и у обских остяков в моде.

Пляшут хотя и особливым образом от остяков, но с ураками[45] и тавгами очень сходственно. Пляска их состоит не во многих разностях телодвижения, но каково одна пара делает, таким же образом пляшут и последние, хотя б какое множество их ни было. Самоедин, взяв бабу левою рукою за правую, ноги свои одна за другой наперед высовывает. Сам выговаривая полным ртом громко: „гой!“, потом с ужимкою сквозь зубы в нос: „ги“... протяженно, потом опять громко: „гой!“, а напоследок, забирая в себя дух, всхрапывает, и так далее. Сие не значит у их вместо песни, но будто бы для показания такты; баба же, напротив того, подле его стоящая, стоя на одном месте, с приседанием выворачивает ноги и сама только всхрапывает при окончании каждого колена. И так

за одною парою собирается и множество; тогда бегают кругом, держась руками друг за дружку иногда чрез целой день, желая одна пара переплясать другую.*

Напротив того, березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сими своими веселостями желают только представить самое дело, а не вымышленное, или пересмеять кого стараются, как видно из ихних песен, о коих ниже упомянуто будет.

Пляска ихная не до иного чего касается, как или до самых ихных промыслов, как они на оных поступают, или что увидят странное и смешное, то в пляске изобразить стараются с некоторыми лишними удивительными телодвижениями, коих словами и изобразить нельзя. Перво представляют пляскою, как промышляют лося. Пляшут по инструменту, домброю называемому, она же называется и шангальтоп и нарысьюг;[46] игрок старается изобразить самое качество и действие зверя, т. е. как он бежит, рысью или скаком, как стоит и прочее, а плясо́к тщится представить своим телодвижением, киванием головою, ломается, стоя на одном месте, руками и ногами, и головою стараться должен изобразить живо. И так мне самому случилось видеть то изображение на домбре и пляскё, когда промышленник намеряется гонить лося. Перво игрок играет по всем пяти струнам, изображая, как он бежит рысью, а плясо́к по такте топает для ясного изображения, потом, по игре, плясо̀к изображает, как лось, остановясь, оглядывается на все стороны и смотрит, далеко ли от его человек, за ним гонящийся, находится, и так, несколько представляя бегов и оглядов назад, играет игрок с представлением плясока, как его из лука убить хочет и как убьет, то промышленник возвращается назад по веселой песни с радостию и веселою песнею, пляскою, но когда же зверь у его уйдет, то ясно изображает возвращение свое с великою печалию и гневом.

Еще видел я игру на домбре и пляску, представляющую промышленника, идущего на соболиные промыслы, тащущего за собою нарточку, и так, идучи он через лес, представляет вышеписанными движениями, как у его нарточка за пень задела, как, отворотя, опять идет и напоследок, нашед следы соболиные, как щупает пальцом, узнавая следы оного, свежие ли они или старые, и, увидя, что свежие, как доходит до самого соболя и каким образом добывает, из дупла выгоняет, стреляет и прочее, получа же за труды соболя — с радостию, а не получа — с горестию представляя, возвращается.[47]

Сие говорено было о зверях, до их веселых промыслов касающихся, но которые промыслы у их со страхом и отчаянием бывают, тех они

---

* Как сама натура научает любовным хитростям, то и сии дикие народы знают как к любви приступать должно Говорят, что во время пляски, когда пожмет у ее руку, то и увидит свое щастие.

Скачут, раздвигаючи ноги мѣста по три раза, что скакнет и за-
ме, также и ворютце; но всех лучше остяков в людѣ.

Пляшут хотя и особливым образом от остяков, но с ужимками, и тявками очень сходственно. Пляска их состоит ве во многих разностях телодвижения; но каково одна пара дѣлает, таким же образом пляшут и порядочно, хотя б какое множество их ни было: Самоѣдин взяв бабу левою рукою за правую ноги свои одну за другой наперед выкидывает, сам выговаривая полным ртом громко чок! потом с ужимкою сквозь зубы в нос гк..... протяжно; потом опять громко чок! а напоследок забирая в себя дух всхрапывает; и так далее: сие не значит у них вмѣсто пѣсни, но будто бы для показания такта; баба же напротив того подлѣ его стоящая стоя на одном мѣсте с приседанием выворачивает ноги, а сама только всхрапывает при окончании каждаго колена. И так за одною парою вступает и множество, тогда вертятся кругом держась руками друг за друга иногда среди целой дни делая одна пара переплетать другую. *

Напротив того березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сами своими веломами делают только представить самое дѣло а невы-

---

* Как сама натура научает любовным хитростям, то и сии дикие народы знают как к любви приступать должно; говорят, что во время пляски когда подмешь у ее руку, то и увидишь свое щастие.

М. Бышевтов

Рис. 2. Лист 6-й (об.) рукописи В. Ф. Зуева.

не представляют. Я сколько их плясок ни видывал, однако нигде не случалось видеть, ниже́ слышать, кто б выиграл или б представил промысел медведей.

Есть у их равным образом и птичьи пляски, которые таким же подобием представлять стараются, чтоб трафить в самую живность, так например, журавля изображает, согнувшись и надев на себя долгое платье или полог, взяв в руки костыль, сделанной наподобие головы журавлиной с носом и долгою шеею, делает, повертывая ее на все стороны, т. е. как он оглядывается, как спит, как сидит сгорбясь, чешется, клюет, ходит, поет и прочее. Так, другую пляску представляет в образе мышелова или ястреба, ищущего мыши, и перво представляет руками и головою, как он летает по полям плавно, потом как вверх и вниз подымается и опускается, когда же найдет мышь, как трепещет над ею, с немалым писком протянув ноги, бодростию своею сложения оказывая охоту схватить оную, но когда мышь укроется, как он около того места летает и опять следит, а напоследок плясо̀к вдруг падает на землю, распустя руки, представляя, как мышелов пымал мышь, распустя крылья, и она под им пищит, потом изображает полет мышелова с мышью и как станет оную трескать.

Хотя уже довольно примеров показано их пляски, однако нельзя не упомянуть и на смешные и такие увеселения, которые или касаются до своей братьи — остяков другого роду, или до русских, но я здесь приложу только одну, касающуюся до русских баб, коих они пересмехают, как оне на реке рубашки полощут, ибо оне в своем житии и не знают, что такое есть на свете мытье рубахи, потому им сие и кажется не за малое удивление; и так, лишь только игра началася, плясо̀к, тотчас взяв палку и навеся на ее всяких тряпок или что попало, кладет себе на плечо, будто бы коромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, колотит другой палкой наместо валька, выжимает, потом вдруг останавливается и слушает: где-то, дескать, на гудке играют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ослушалась. Опять мыть начинает, потом вдругоредь услыхавши, любуется и тотчас тут же будто запляшет и так поскорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтоб поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом и бежит туда скоро и на дороге, будто по нестерпеливости, остановится и попляшет и так далее; тем оканчивают.

И так все их роды плясок за смешные почесть можно. Хотя оне и не выдуманные, а, можно сказать, натуральные, однако, не без трудности производятся. Ломание членов [в] таковых представлениях, можно сказать, мучительное, однако они не только болезнию сею не скучают, но еще кроме сносных ломовых позитур и лишне отваживаются ломать свой стан так, что от лишнего истечения лоту напоследок в слабость все члены приходят.

Ломается, кажется, для того, чтоб его удальство и искусство смеючись похвалили; и действительно, в то одно и стараются, чтоб, изобразив, как можно живее, не отставая от такты, привесть зрителей в смех и некоторое удивление.

Бабьих плясок я не видывал, но слыхал, что оне таким же образом веселятся.

Что ж касается до песен, то правда, что они, видно, к выкладкам оных или не склонны, или не умеют, а часто слыхал у пьяных остяков и самоедцов, которые все поют то, что ему на ум узбредет, или что ему случилось, или что говорить хочет. Много я видал пьяных, которые, сошедшись, друг с другом песнями переговаривали все, что им надобно, а когда один в степи едет, то поет про степь, или про воздух, или про погоду или что ему вздумается, без всякого складу, только голосом, куда хочет, поваживает, но и насмешества также в песнях у их или над своим братом, или и над соседами не не бывает.

В весенние свободные часы имеют они также и сказки, про которых я слыхал только мало, однако заключить можно, что их сказки явное в себе хвастовство и невозможность заключают, ибо естьли они в своих баснях коснутся до другого кого, то не иное стараются, как опорочить и тем самым примером себя превозвысить наиневозможнейше. Дикому и трусливому сему народу не иное что к ободрению себя служит, как небывалая победа в ссорах и драках, как рассказывают оне в своих сказах:

„Один-де был остяк, собою весьма сильной, которой поехал свататься и по несогласию мнимого своего тестя сделалась у их ссора, он один тут побил несколько тысяч человек, но, еще будучи тем недоволен, улетел в другое место и там побил столько же“.

И так далее рассказывают по большей части о побоищах, разве несколько прикрася гисторическими словами, но что до второго моего предложения касается, то, кажется, нельзя не верить, потому что в городе Березове я слыхал и от многих русских, которые не к сказке, но к самой правде причисляли. Мнимая невозможность принудила меня сие повествование написать между сказками, хотя бы ему здесь и не должно иметь места. Вся невозможность состоит в расстоянии места, которое остяк, как сказывают, будто б переезжал от Обдорска, еще прежде их покорения, до самого Кондийского монастыря в одне сутки, на однех оленях, кажется невероятное дело, ибо от Обдорска до Березова хотя немерные версты, однако неотменно триста положить надо, а от Березова до монастыря — сто девяносто, то легко в сей правде усумниться можно, чтоб одне олени так много в сутки могли выбежать; однако верить можно потому, что я сам знаю такой особливой род оленей, которые немного и весьма редко в больших стадах случаются, притом же небезизвестно, что сей зверь, кроме всего, весьма легок, и я сам, на переменных, от Обдорска до Березова немного более суток выбежал.

Они же рассказывают таким образом: сие небезизвестно, что все дикие народы прежде покорения ни в чем ином, как в однех женах наиболее ссорились и воевали, то и вероятно, что у их прежде ужасные, как слышно, были кровопролития между собою, как и ныне есть остатки тех мест, где славные побоища бывали, или на котором месте что особливое в тогдашнее время сделалось; те места собственные себе имена и поныне имеют. Тогда не было ни монастыря, ни Березова, а были одне чумы, которых стояло в местах по коленам инде множество, и так сей низовой остяк поехал вверх за невестой и, к монастырскому месту приехав, украл надобную себе девку и выехал обратно с девкой на однех оленях в одне сутки. Сие повествование носится между ими и поныне, и бывшее по сему тогда кровопролитие доказывает, что оное было справедливо, а я потому написал в сказках, что они сами между сказками употребляют.

Между прочим, в проезде самоеды меня уверяли и сказывали за самую истину, будто бы праотцам их около Чукоцкого носу попадались особливые люди, которых они (пыегооурта) носоедами называют, и говорят, будто бы они ловили живых людей и, разбив нос, кровь сосали и прочее, однако сему верить неможно.[48]

Глава 14

О СВАТАНЬЕ И СВАДЬБАХ

Сколь в презрении женской пол у остяков и самоедцов пребывает, того довольно изобразить неможно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобной скот, без коего он обойтиться не может. Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыху, ни праздника, всячески ему угождает, все его состояние лежит на ей одной, а он с ей и говорить никогда не хочет. Грубость их поступок с женами довольно меня уверила, когда я находился около двух месяцев между самоедцами (смешное примечание: не знают оне никогда с женами целоваться,[49] не знает никаких лобзанией и ничего не ведают, как лучше в свете с прелестным полом обходятся). В дороге иль на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служить должна, не как жена, но как купленная служанка. Пусчай сего оспорить нельзя по их дикости, но в таких обстоятельствах хотя бы он ей говорил поласковее, а то нет у их любезнее слова по-остяцки или по-самоедски — нейру (баба). Приятнее бы было женке служить из сего имени, когда бы от его хотя б это часче слыхала, а то, не сказав ничего, сам смотрит на небо иль на землю, а сам говорит о своей надобности, и она должна догадываться, что ей говорит о том-то. Правда, хотя вообще у сих народов женский пол по век имян себе не имеет, но, однако, за щастие себе почитает, естьли б он ее называл хотя полчеловеком, а человеком они только себя называют,

как по-остяцки, Tahe,[46] по-самоедски Chazowa,[3] что значит мужик или человек, и они хотя все имена имеют, однако поимянно друг дружку не кличут, а все оным именем. Так, напротив того, и бабы не называют мужиков именем, а по большей части вышеписанным названием.[51]

В общем их житии мало стыда найдется и почти совсем нету. Мужчины обыкновенно сидят у огня нагие. Бабы остяцкие равным образом, часто при чужих людях, садятся в присятку у огня и, подняв подол за колено, без зазору греется, которое бесстыдное житие только выше Березова водится, но и у татарок не не в моде. Тем сей народ похвален, что любви мало разумеют, не избирают они жен себе красавиц, не смотрят на женские нежности, которых нету, а берут всяк по рассуждению своего состояния. Правда, хотя оне не не охотники, да и не ревнивы, одну жену иметь ему стыдно, и не почитает себя довольным, того ради берут многих, естьли только его состояние дозволит; но я мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели; на каждой должен он свататься, за каждую платить калым, не выключая ближней родни своей, ибо остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху,[52] сноху и прочее. В Войкарских юртах есть остяк, который двух сестер в супружестве имеет, и я не знаю, кто бы в остяцком роде был его на промыслах щастливее. Так свататься не только между ими, кажется, сходно, но и не бесприбыльно; только немногие так имеют, может быть, потому, что немногие столько приданого отдать могут, сколько за двух дочерей отдать надобно, хотя у их и то обыкновение, что естьли за первую отдал калыму столько-то, за другую сестру уже половину платить должен.

И так, рассматривая обоих сих народов, мало можно найти разности, а особливо в том, что я верно знаю, кажется, немного между собою различествуют, разве есть некоторая отмена в прочих порядках, кои мне недоведомы. Здесь намерен я описать ихные сватовства и свадьбы и хотя бы можно мне было по ихному между собою сходству написать в одном месте, однако я предложу и ту и другую порознь, через что могу уверить читателя, сколько они в обыкновениях своих между собою разнствуют.

У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается,[53] которая по мущинам у их счисляется, а не по женщинам, а естьли женщина вышла в другой род, родила дочерь, а в первом роде родился парень, то уже законные супружники, и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другова роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещения. того ради собрав к себе равных молодцов в поезд из ближней родни и выбрав сватчего, приезжает в те чумы, где живет отец избранной его невесты, входит прямо в юрту со всеми поезжанами; между тем, хозяин, видя

такое собрание и зная у себя дочь, уже должен догадаться, за чем приехали, чего ради, не спрашивая причины их приезда, что случилось — тем потчует; когда же приехавшие наелись, выходят в другую избу и оттуда посылают сватчего, о требовании согласия и о договоре о калыме, тут довольные труды сватчему бывают, ибо, подобно торгу, тесть требует много, зять дает мало, и так сватчей то и дело из чума в чум переходит. Наконец, когда договорятся, жених, по прошествии несколька времени, отдает часть своего калыма (редкие есть такие, кои бы вдруг весь отдали, потому что между богатыми много и на ту и на другую сторону добра переходит, и редкая богатая девка уходит за калым кроме прочей рухлядя во ста оленях) и наказывает ему, чтоб на следующую ночь и место, где спать, и невеста б была готова. Когда согласятся, то в ту ночь и приходит зять к тестю и ложится тут, где ему укажут; после же приходит к нему и невеста, с коею перво для стыда лежат под разными шубами, а когда все уснут, то под одну переходят и так спят во всю ночь; а по утру смотрит мать, какова пришла дочка ее, естьли благополучная, то сейчас просит с зятя однорядку и оленя, он отказать не должен; естьли же не благополучна, то зять с матери требует то же.

Для славы благополучной невесты мать постелю, на которой молодые спали, изрезывает в мелкие части и разбрасывает во все стороны. После сего, покудова жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой; однако, по милости отцовой бывает, что увозит ее со всем приданым и не заплативши всего, то отец, пождав несколько годов, приехавшую случаем в гости дочь свою удерживает у себя, чрез что принуждает зятя, чтоб он весь отдал.

Вышедшая такая невеста в век свой стыдится тестя, а жених тещи чего ради в первые годы после свадьбы ходит при теще в шапке до тех пор, покудова не сделает ребенка, и естьли она попадется на дороге, то, отворотясь, нахлобучивает шапку, чтоб он ее и она его не видела.[51]

Взятую за калым невесту остяк не смеет ни за какую большую вину бить без соизволения своего тестя, ибо злобная жена тотчас уйдет к отцу своему и там нажалуется, говоря, что более с им жить не желаю, того ради раздраженной отец, естьли есть что, то тотчас бросает зятю своему взятый калым, а дочь берет к себе и отдает за другого.

Самоедин, напротив того, задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им ровняться могут, и так приискивает свата, коему уже известная за труды награда — дать оленя. Собрав несколько человек из ближней своей родни, наряжается ехать в те чумы, где живет избранная его невеста. Приехав, останавливаются у чумов, не входя в избу; поставя все санки рядом, сидят каждой на своих санях, а жених посылает сватчего к будущему своему тестю о требовании совета в отдаче своей дочери за приехавшего самоедина, на что вскорости

либо отказ, либо благоволение получает. Естьли отказ, то с неудовольствием уезжают, что бывает немалою причиною их недружества, но сие редко случается. Естьли же невестин отец согласится, то тотчас имеет сват с им уговариваться и о калыме, что очень долго продолжается к немалой на дворе сидящим скуке, ибо отец невестин требует много, а жениху столько жаль отдать, и так сватчей перехаживает то и дело от одного к другому, перенося вести или договоры. Договоры у их обыкновенно бывают в том, чего у тестя мало или и совсем нету, того от зятя и требует, как обыкновенно разные цветные однорядки, котлы медные и железные, сети, зипуны и олени. Уговорясь же, определяют время, когда все оное тестю получить, а невесту отдать должно. В сем случае сколь скучно бывает зятю отдавать будущему своему тестю то, что он требовал, столь, равным образом, будет весело обирать тестя во время приданого с двойною себе прибылью, потому что тестю взятое от зятя одному завладеть неможно, но он, отложа себе большую часть, прочее по всей родне разделить должен.[55]

Пришло уже то время, чтоб калым заплатить зятю, которой, отдавши, приезжает в гости, где и потчует его тесть оленным мясом и между тем перепеваются друг с другом. Тесть припевает зятю, чтоб любил дочь его, а зять припевает тестю, чтоб содержал его в милости и было б между ими согласие. Между тем говорят и о приданом; как скоро тесть исправится, ибо обыкновенно тесть должен и жениху и невесте сшить по паре, и когда исправится, то жених приезжает с какою-нибудь чужою бабою по невесту; получает в то время отдарки от тех, кои в его калыме участие имели, что получа, берет свою невесту, сажает на санки, кои привязывает к санкам приезжей бабы, а прочие с приданым, сколько б их ни было, привязывает к саням невесты, из коих первые трои или четверы с разною кладью должен тесть покрыть сукном хорошим, а прочие хорошими и чистыми постелями. Сам жених едет назаде, а по приезде домой невеста должна послать постелю для мужа и для себя, и хотя муж с женою ложатся на одну постелю, однако не совокупляются иногда по месяцу и по два, а когда сойдутся, то уже девство наблюдать жениху осталось, и естьли придет чувственная, то должен дать тестю оленя или два, а в противном случае столько же требует с тестя.

По прошествии несколька времени невеста приезжает к отцу своему в гости и живет у его сколько времени пожелает, а муж также к ей каждую ночь ездит и спит вместе, легши при свете под разные шубы и на разные постели, а когда все уснут, то и под одну сбиваются. Поживши у отца довольное время, уезжает домой и между тем получает от его новые подарки, и так сколько бы раз в году она у отца ни побывала, отец всегда дарить ей должен, чего ради мало от мужа и занимает, разве как только живет с им, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее.

В противном случае, когда развод бывает, тогда оне считаются, что с которой стороны истрачено, так и расплачиваются друг с другом,

или ежели жена умрет вскорости после свадьбы, то так же поступают между собою, а естьли муж жену любил крепко, то и по скорой ее смерти калым с тестя взыскивать не внимается.

Впрочем, все сие говорено про богатых, а бедной с бедным о бедности в калыме и рассуждают, чего ради один с другого лишнего и требовать боится.

В житии своем самоедка живет замужем, как невольница, не видит себе от мужа большой ласки, ниже̇ какой приятности, кроме любовной той ночи, пред которой он жене своей днем всячески угождать старается. Ночью же обыкновенно на боку лежа Венере жертву приносят. Из таковых жрецов многие есть молодцы такие, что почту́, скорее кобеля гоняют, как и между остяками слыхал, и не про немногих. По возвращении из венерина храма жертвенные сосуды не очищают, но во время обыкновенных женских нужд окуриваются дымом, перешагивая чрез огонь несколько раз или, положа на горящее уголье струи бобровой или шерсти, тем очищается, отчего хорошенькие самоедки все почти издрябли.

Глава 15

О ЖЕНСКИХ НУЖДАХ

Женские нужды я разумею натуральное месячное кровотечение, которое, я слыхал, у их мало бывает и не порядочно, ибо иногда в четвертую и прежде, и в пятую, и в шестую неделю происходят. Рубах из их мало носят, а по большей части ходят нагие в тулупах, того ради неотменно должно тулупу замараться; но остятки выдумали изрядное средство носить пояс, по-ихному вороп называемой, которой, закупорив перво свое сокровище отлепом или таловыми мелкими вымятыми стружками, подвязывает с исподе и вкруг поясницы. Когда же почувствует, что довольно накопилось, то тотчас на стороне ототкнет и выпустит, но помянутые отлеповые стружки никогда не не бывают, хотя бы не было и кровотечения, но оне от натуры так уже всегда иметь привыкли.

Напротив того, самоедки, хотя также ходят нагие, и как сшито платье, так его не скидывает, покудова на ей не истлеет, носят штаны ровдужные, в коих и родят и во время сих нужд накладывают отлепу, которой после выкидывают, естьли замарался, и кладут свежей, но затыкать не знают.

От сих кровей откуриваются они вышеупомянутым образом. Окуривают также и платье, которое в то время на себе имеют. Мущина же не только после родов с ей два месяца не спит, но и во время кровей не пьет, не ест с ею, ниже̇ что в руки от ее принимает. Она же в таком состоянии не должна ничего есть от вновь промышленного, но довольствуется прежним запасом. Никогда также взрослые девки и бабы

не должны есть от оленьей головы, кроме малых девушек, которые месячного кровотечения не имеют.

Сего не довольно, что женской пол натуральные сии нужды сносит великодушно, но у их, кроме сего, еще она должна стыдиться, будучи обязана их заблуждением. Народ не только не уважает сии женские трудности, но еще и за поганой, так сказать, род считают. Бедная самоедка не только каждой день сама себя, но и все, что в руках имела или на чем сидела, должна окуривать. В дороге, перво лишь только приедет на место, расстановя чум, прежде всего должна сама окуриться, потом за вещи приинимается, которые в чум внести надо. Каждую вещь должна окурить особливо, должна окурить санки, на которых ехала, напоследок — что у саношных передков было привязано (обыкновенно мужская и женская обувь привязывается), не должна отвязывать сверху, но из-под потягу, за что олени тянут. Также не должна чум кругом обходить, но только до половины ходить смеет, равным образом с одной стороны на другую, коли иттить понадобится, то или весь обоз обойти должна или проползти под потяг.

Остяки и самоедцы, равным образом как и прочие дикие народы, сколько ни охотники к делам любовным, однако родится между ими немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше трех или четырех человек у себя в живе имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает. Сему самая истинная та причина, что оне живут очень гнусно и не разделяют от старика нежного младенца, кормят его почти тем же и тою же самою пищею, какую сами употребляют. От молока же матери до пяти лет и далее не отнимают, покудова сам не отстанет.

Глава 16

О РОЖДЕНИИ

Родов сих народов, хотя и не видывал, однако слыхал довольно, что оне, дивиться надо, как легко родить могут. Самоедки обыкновенно в штаны выпущают, место закапывают в землю в глухом месте, где б ни зверю, ни человеку ходить нельзя было. Остятки, напротив того, место с отлепом, которым обтираются, кладут в коробок и притом прикладывают тут звено какой-нибудь рыбы или мяса, и так подвешивают на дерево. Удивления достойное, но неудобоверимое почти дело я слышал про одного енисейского остяка,[56] скитающегося везде за пищею по тундрам с женою. Бедной остяк, но варвар, не имеет у себя оленей, шатается по тундре, которой день что промыслит, тот день и сыт бывает. Имеет при себе нарточку с разною мелочью; жена оную тянет, он сзади мало-мало пособляет; жена брюхатая, пришло время родить, надо остяку остановиться на одном месте, дожидаться того времени, как женская болезнь окончится, следовательно, терпеть голод, потому что

запасу никакого нету, как выше сказано; хотя, может быть, у его имелось столько жалости не как для жены, как для новорожденного дитяти остановиться, но голод его гонит следовать неотменно далее и промышлять себе пищи. Бедная остятка, лишь только родила в нарте запряженная, взяла дитя свое, окутав шубою, положила на нарту; остяк же, видя изнеможение жены своей, сварил клею и немалой величины дал ей выпить с тем намерением, чтоб удержать известное после родов течение крови, и так, тот же почти час, опять поехали далее.

Нельзя же, напротив того, почесть сей случай у их вовсе нечувствительным и им бесстрашным, как видно из ихнего исповедывания грехов, которые родильница должна при всех рассказывать пред родами. Баба, которая в тогдашнем времени при самоедке ходит, хотя всячески стращает, чтоб пристрастнее во всем призналась, одного нельзя думать, чтоб, кроме угрозных ее речей, не было и таких примеров, коих бы она совершенно боялась, чего ради самоедка во всем, при всех, предстоящих на родах, кается и притом, естьли с кем блядовала, должна сказать имянно, естьли же из ближайшей родни, то имя умалчивает, чрез что дает знать, что тот был ближней свойственник. Лишь только младенец родился, какая бы баба ни приблизилась, взяла тотчас нож, нарочно к тому случаю получше изготовленной, отрезала пупок, отдавши оной с местом другой бабе спрятать в укромное место, а младенца, перевязав пупок жилой, отдает его мужу, которой, потрепавши да полюбовавшись, отдает другому сродичу и так далее все таким новорожденным любуются, не зная во всем самоедском роде уроков.

После сего делают ему люльку наподобие коробки, у которой по бокам есть петли, к голове сделано повыше вместо сголовья, а в ногах ровно, как в ящике. В люльку насыпают гнилого толченого дерева для мягкости, на которое кладут младенца, а после, закутав его маленькою шубою, увязывают ремнем сквозь помянутые боковые петли и так его носят или под пазухой или за плечами.

Новорожденному младенцу не дают никакого имяни до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают уже ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно кои переведены на российской язык.

Chán — charu — Сани листвяницные; Nérme — Пролубь; Láatscha — Кочка земляная; Lacûr — Неровная земля или кочковатая; Háimale — Ломаная нога; Palÿma — Шпажной обух; Chalÿna ⌣ Mal'—oba — Рукавица глухая без напалка; Peéttama — Ладонная спина ⌣ metacarpus; Moò — Сук; Wána — Корень у дерева; Chalewuhài — Мартышечья нога; Chaídjû — Дикой; Waipti' — Бешеной; Hÿlpàd — Исподней мешек; Pazù — Женское

естество; Eptuhȃĭ — Гусиная нога; Maĵȃ — Косноязычной; Enhy̆tschè — Кривинькой; Pany̆ tabaĭ — Изодранная шуба; Udaši — Безрукой; Haisì — Безногой; Podorà — Лес; Lanà — Говори; Lambaĭ — Широкая лыжа; Mottĵȗ — Тупой; Worcomà — Обделенной; Saĭwy̆zì — Безглазой; Sĵȃùtta — Нельма; My̆rtschì — Ветреной; Poĵȗ — Ольха.

Такие имена дают родители пятнадцатилетним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, естьли без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит.[57]

Впрочем, женской пол, уже прежде сказано, что имен по век свой не имеет, того ради более об их и распространяться не для чего.[58]

Младенческих похорон не видывал, но русские и самоедцы многажды меня уверяли, что похороняются так же, как и большие, выключая только лишние обряды, которые над большим покойником со излишеством производятся.

Глава 17

О ПОГРЕБЕНИИ

Мертвые тела тамошних народов есть первой и надежной корм тамошних зверей, потому что по всей тундре похороняются, и самоедцы не имеют определенного нарочного к тому кладбища; и в дороге, естьли умер, при пространном болоте, то вывозят его на сухое место, а естьли на способном умер месте, то далее не отвозят, а тут же и оставляют.[59]

Остяки, напротив того, как уже народ, опоселившейся на одних границах, имеют нарочные кладбища, кои халасями называют, и хоть также мало пекутся о телах умерших, чтоб схоронить их от зверей, гробы вырывающих, однако кладут бережливее самоедцов. Могу ли сказать, что оне головами кладут на северную сторону, верно не знаю, но которые гробы я видал, те все мне так казались.

Остяки и самоедцы мертвых тел долго не держат, и так, естьли остяк умер поутру, то в полдни его и похоронят, сделают тотчас могилу неглубокую, меньше аршина, может быть, потому что мерзлая земля далее рыть не дозволяет. Мертвого одевают в лучшее его платье, как летом в однорядки, парку, малицу и неговаи, а зимою в известное также зимнее платье; подле его кладут все то, что ему на сем свете в жизни было надобно в дорогу отправляющемуся, как постелю, нож, топор, рог с табаком и прочее, все, кроме кремня и огнивы, кои делают деревянные. Покудова все оное исправляют, мертвой лежит в чуму своем, куда сходятся мущины и женщины, оплакивая его с великим воплем и терзанием. Женщины с женщинами сидят в своем месте, закрыв

лице обыкновенно вокшемом, а мущины ходят около его и плачут между тем делают ему гроб из лодки; обрубив нос и корму, кладут его и несут на руках все, сколько бы их не случилось. Принесши на обыкновенное свое кладбище, которое бывает на пригорке, кладут его с большим воплем, быв притом одне только мущины, а естьли умерла женщина, то одне женщины и бывают, кроме одного или двух мущин, которые выкапывают могилу. За упокойным ведут самых лучших и любимейших его оленей с санями и во всем убранстве, коих, приведши на могилу, лишь только закопают мертвого, тотчас привяжут у каждого оленя на заднюю ногу по веревке, за которую один или двое тянут, а четверо, обостря большие колья, оленей со всех четырех сторон насквозь протыкают, что служит вместо поминок и жертвы по покойном. По богатом бьют еще более оленей; надев петли на шею и на ноги, растягивают и, приведши его в слабость, ударяют стягом вдоль спины по хребту и тем умерщвляют. Всех убитых оленей над могилой оставляют, убор с них и с санков кладут в теремок, сделанной над мертвым из прутьев, а санки сверху опрокидают. Между тем, для поминовения, в стороне от могилы варят есть и, наевшись, остатки, принесши домой, разносят по чумам, чтоб поминали, не употребляя притом имени умершего.

После сего всегда почти бывают поминки, когда кто из роднѝков его помянуть захочет, кои отправляются таким же образом, как и выше сего сказано.

Самоедцы, напротив того, умершего своего, как и остяки, не обмыв, одевают во все платье, сколько на его надеть можно, а что не полезет, то вкруг его окладывают просто. Кладут его, протянув руки, надевши на голову котел, обвертывают постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками. После сего, опасаясь дверьми вынести мертвого (думая, что естьли дверьми вынесешь, то он вскорости увезет других за собой), вытаскивают из-под чума, подняв крышку, за голову и, положа на санки, отвозят или в то место, где похороняют, или где лучше сами изберут, или где сам при жизни наказывал. Привезши на такое место, естьли летом, то копают неглубокую могилу, так, чтоб мертвец с землею мог сравняться, которую, после заложив дощечками или прутьем, засыпают землею; естьли же зимою, то делают на том месте небольшой обрубец в длину человека, в которой, положа мертвого, закладывают прутнягом. Тут же кладут и все, что он имел в жизни, рассуждая, что на том свете оное ему будет надобно; того ради кладут лук, стрелы, нож, топор, табак, трубку, котел, чашки, ложки, и прочее.[60] Оленей же тех, на коих привезли мертвого, задавливают над могилой и во всем их снаряде оставляют. Между тем, у богатых приводят и тех, на которых мертвой в жизни своей промышлял диких зверей, коих всех, задавленных, зимою в снег закапывают, а летом мохом и прутьем окладывают, будучи в том мнении, что ему на том свете было б на чем промышлять и ездить.

Между тем, старают, где б поскорей сыскать поближе ворожея для отпеву, и естьли в близости нету, то ездят и далеко нарочно, которой, приехав, начинает перво колотить в бубен и между тем припевает, чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее; потом поет, уговаривая его, чтоб оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою б не уводил вскорости.

После чего делают ему обыкновенные поминки, но оставшийся муж или жена не должна есть с другими поминающими из одной посуды, покудова не окурится бобровою струею или шерстью и не обмоется водою.

Сродникам его, естьли случится обозом ехать хоть чрез десять лет мимо того места, где положен его родни покойник, то естьли вспомнит, должен, убив оленя, помянуть его, т. е. сварить и съесть со всею своею артелью, а голову с рогами, воткнув на кол, поставить на то место.

Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени поминать не должен, а говорить об нем околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам и другого колена.[57]

Сродник умершего человека, желая оказать печаль свою не только по смерти, но и при его болезни, не подвязывает ног и не подпоясывается, чем пред всеми жалость свою доказывает по больном своем сроднике. Сие и у остяков также в обыкновении.

Глава 18

О РЫБОЛОВСТВЕ

Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — заключает в себе большую часть их жития и экономии, потому что он, сызмала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах, шатающееся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знают щету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особливого рода, потому что в их обитает особливой род скупости. И так экономию их можно раздели[ть] так, что рыболовство их пропитание,[61] а олени богатство заключают.

Начало оного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскроется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит во всякие речки, уже в Оби впадающие и совершенно, что в полую воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промышлять никакими образами, кроме малых речек, проток и озер,

но где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особливое средство, т. е. под осень выбрав такое место, где на прок рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменистое, но лишь бы высокое, то накосо между лежащими на понятых берегах каменьями вколачивают гладкие небольшие колья, чтоб тащущаяся по дну сеть за каменья не задевала, а по кольям катилася; таким образом вытаскивают сеть в целости с рыбою.[62]

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казенне, Сыгве, Полую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войкарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями.

Рыба, какая в той стране имеется, значит ниже сего с самоедским, остяцким и вогульским названием:

По-русски		По-самоедски	По-остяцки	По-вогульски
Осетр		Enà	Joch	Schubỳ̈
Стерлядь		Chÿrè	Kÿř	Karàí
Муксун		Sjûmbungà	múchsun	—
Щокур		Hidrtsahà	tçchòhor	—
Пыжьян		Pólkur	Pÿdzschjân ⌣ Pórcul	—
Сырок		Páǐ	Joroch	—
Таймень	Роды	Nehàǐ	aln	—
Хариюз	Лосося	Tujû	—	—
Омыль		Sjáugchalle	—	—
Кунжа		как и таймень	называется	—
Чир		lhÿchalle	Kégehull	—
Селдь		—	—	Enÿ Schèm
Нельма		Sjâudt	Unsch	—
Налим		Njûjê	Pánne	—
Щука		Pÿrè	Sort	—
Язь[63]		Lÿzù	Néide	—
Сорага		—	—	—
Ерш		—	Lar	—
Окунь[63]		—	Chondzçćhónhull	Sÿmìr
Карась[63]		Touchalle	Mÿlemchull	—

Вся выше помянутая рыба всходит вверх очень далеко, кроме сих трех: омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Березов в июне, а в сентябре назад сверху возвращаются в те ж морские губы и заливы, покудова некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто

не разумеет; только известно, что замирают по большей части такие, кои не каменистые, как и самая река Обь, которая с около лежащими реками замирает с половины генваря месяца, а Полуй, Надым, Таз и Пур в ноябре. Прочие же — Собь, Щучья и Хайя не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в омутах, думаю, сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей не можно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками вода мертва бывает по тех пор, покудова весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьев малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ничем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Чтож касается до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной камень имеющих. Икра же небезизвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной до пяти, муксун от двух до трех, щокур также, пыжьян от одной до двух, щука и налим от одной до пяти, омыль от трех вершков до трех четвертей, кунжа от двух до четырех четвертей, чир от двух до трех четвертей, сырок от двух до восьми вершков, язь также, ерш от одного до пяти вершков.

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пищу изготовляя; русские как самую рыбу, так и икру солением, а везигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные народы, остяки и самоедцы, по неимению соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземы, из спинок и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок истолкши, в случае голода сами, а не то вареные со щербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на низу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготовляют, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распоров брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают сверху жирную перепонку,

а после варят в котле до тех пор, покудова наверх сплывет, что значит поспелой, и закаливают в холодной воде, а потом сушат карлуками и лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почесть за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и олених кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неимением свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молок, налимьей максы, из муксуновых, щокуровых, сырковых, нелемчих, язевых, омылевых, и чировых кишок, но самой лучшей бывает налимий и всем прочим предпочитается.

Не излишнее почитаю предложить читателям и о цене в Березове, на продажу обыкновенной: осетрины пуд 40 копеек и дешевле, муксун, нельма, пыжьян, щокур и сырок по 25 коп. пуд и менее, а временем, за малым промыслом, неотменно и дороже быть должно; клею фунт от 15 до 28 коп.; везига из одного осетра — по копейке, жиру от 50 коп. до одного рубля пуд.

Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышляют, из коих первой обыкновенной и всем известной невод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит беспрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети пришито, и для тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дну; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едучи в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно и так, когда рыба, взошед в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощию маленькой веревочки, почувствует, что в сеть взошла рыба, тотчас опущает из рук оную, а к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опусченная тоненькая веревочка не препядствует сети тяжестью воды опуститься кольцом по толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пущает вон выйти. И так сими двуми средствами промышляют осетров, нелем, налимов, муксунов и щокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубь привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая

морда, и так, естьли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стене сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры или протоки для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах становит или морду или важан для осетров, сети так называемые, сделанные мешком таким же образом как кылыдан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заране изготовляет над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важана также на палке, к коей к средине привязан для тяжести камень, к той же палке к средине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб важан не снесло водою, а верхняя половина важана к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взошедшую рыбу узнать бы было можно, привязана к пупику важана; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помощию шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т. е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец становят также пуши, такие же, как морды, у коих жерло очень широко, а там что дале, то у́же, и длиною бывает иногда сажен около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оными по большей части в полую воду промышляют.

Вары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или помянутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяин также насколько хочет, настолько разделяет прясел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти ей было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота, и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оное бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делаются с самого начала весны таким же образом и стоят с полою водою, которою запирают в поле и выпускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют однех только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и налимы и большие нельмы попадаются. Сие не дивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множеством

попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за тое ж уду хватает. Простая сия снасть перемет остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк обогатиться, естьли б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается, уже от русских березовских жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листков табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим кусом гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревешко, к коему навязаны друг подле дружки на долгиньких веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбок маленькими кусочками, за которые осетр, схватя, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по пяти осматривает, и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возвращается. Язевые и стерляжьи бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Берез ва, Сосве, Казенне, Сыгве и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездит по одному и по два человека в небольших и легких лодках и зажигают бересту на долгих шестах, которые держат перед носом тоя лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между каменщиком становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, щокуров и пыжьянов.

Сосва река такая, в коей красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышляют и легкими, как например, маленькими запорами, в коих также становят морды; но поелику тут по большей части бывает белая рыба, то летом более сетьми и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих прибавляется, как выше показано, то делают досченые запоры два ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освежевываться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреплении льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опусчают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких веревочках с камешками и, как к оным манщикам подойдет рыба, то колют острогами щук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с каменьем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в реках Тазу и Пуру также и в около-лежащих при море озерах и других малых речках промышляют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотаго талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются ячейцы, длиною сажен по 40, и становят их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих: в полую воду и по подледью ловят пыжьянов и кунжей, так, как ниже Мангазеи пущальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедцам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды, или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не не стараются.

Глава 19

О ЗВЕРОЛОВСТВЕ

Зверей около Березова и далее к Северному окиану по тундрам годом имеется очень довольно; но прежде, нежели я приступлю к самым промыслам звериным, должен упомянуть остяцкое суеверное примечание, которого они иногда желают, иногда всеми силами избыть стараются. Ввечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естьли же утром, против его чаяния, ему чихать захочется, то он не знает, как бы ему оного избегнуть, крепится всячески, суется во все стороны, но когда не удержится, горестно взохает, сказав: „Ах, зверь у меня пропал". Чихотку также свою разделяет на разные роды: естьли чихнет тихонько, то мало о том тужит; естьли же шибко, то, почитая, что зверь у ево был хорошей, так досадует, что тот день из юрты вон не выходит.

Звери, какие там бывают, суть: медведи черные, которые, однако, все согласно говорят, что не тамошние природные, а заблудшие, почему их мало там и бывает; волки серые в великом множестве зимой и летом шатаются по тундрам и много губят оленей; лоси, россомахи, бобры по рекам только около Березова, выдры, соболи, белки и изредка бурундуки, лисицы, песцы, везде по тундрам около моря и на самом окиане, горностаи и изредка ласки и множество оленей.

Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копьями; также на тропах ставят настороженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задев, медведь передними ногами получает себе стрелу в самую грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то над падежом строют лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а такие, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало видают.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей, становя луки на тропах со стрелами, потом ловят кляпцами, кои более становят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоняя по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к ему подходит и стреляет из лука. Весною же и осенью зарубают засеки и становят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над падежом.

Россомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково. Бобры бывают карие и рыжие, от их же кошлоки называемые, молодые, т. е. однолетки, живут в воде при небольших речках и озерах, в норах, из речек проведенных в материк до самого гнезда, над которым вверх прорывает маленькую норку для прохождения свежего воздуха. Промышленники ходят зимою искать оных с собаками, которые, нашед по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтить было неможно. Притом устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пущает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, естьли собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуху принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полую воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, нашед его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю копейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с им уходит в воду, а деревцо плавает на веревочке; и так промышленник, приплыв к плавающей на верху стрелке от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры большие и малые, шерстью карие и рыжие, находятся по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленники становят настороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятся седые, чернобурые, красные и белодушки, коих промышляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав

в разные стороны рыбьих костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впредь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом на боку от того бугорка выкопает ямку и становит самострельной лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть выростет. Сверх того ловят также кляпцами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравою.

Песцы бывают двоякие: одне голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундреных и поморских местах, около ручьев на небольших бугорках, в норах, множество отнорков имеющих, кои, нашед, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норою, сие песец, услыхавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной услыша становит тут[64] черкан, в которой песец при выходе из норы попадает. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисиц.

Белок осенью по тонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дереве, то стреляют тупыми стрелами или тамарами и из винтовок пульками; также промышляют плашками с наживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами: 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундряных местах увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых становят своих езжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинает ставить к шестам нарочно привязанные на долгиньких веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки[65] называемые, кои на ветреной стороне расстанавливают друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливает, покудова увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону становит такие же лапки от саней, уступя сажен на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветр нанесет человечей дух на оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от санков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливым именем — варданы. Между тем, несколько

человек заезжают в даль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расстановленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к неезжалым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пужают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданам, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обстанавливают кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расстанавливают лапки и несколько человек сзади заганивают оленей в оной проход на гору и, когда вбегут оне, то оной проход задергивают еще санми, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вкруг холма той сопки, а стрельцы между тем в их стреляют, так что редко случается, чтоб хотя один из их выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телята двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пущает наперед на долгой веревке сажен в 20, а конец привязывает за пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели мало разрознившись, не так пойдут, то не допущая до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промышленник идет, наклонясь между ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысел диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара[66] или некладенного оленя и, наехав табун, оставляет санки, а хару, навязав петлю на рога, укрепя подле самого рогов корня и расправя по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один другова не осилит; однако дикой олень во время борьбы срывает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар тотчас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах, по тамошним тундрам, диких оленей бывает от десяти до двух сот, но прежде сего незадолго видали такой табун, в коем более трехсот положить надо.

Олень — зверь столь пужливой, что в тундре иль в лесу от треску малого под его же ногою изломавшегося деревца и от веющего лесу пужается, чего ради в таком случае бежит от лесу прочь сильною рысью, задние ноги закидывая за передние так, что иногда по мере примечено по аршину меж копытами расстояния; рыщет, подняв короткой свой хвост кверху, заломя голову, положа прекрасные большие свои рога на спину, спереди представляет вид неприменного иноходца, а сзади на его смотреть — так, как разбитую клячу, которая, отбив у себя ноги, бежит раскорякой. И так испужавшись, бежит далеко и долго по тундре бегает, но столь опять любопытен, что не преминет после, чтоб ему не прибежать к тому ж месту и не посмотреть, чего он испужался. Иногда таким образом раза по два и по три прочь убегает и опять на то же место прибегает для свидетельства, а между тем, покудова он по тундре от страху бегает, промышленник перебирается на то место, куда оленю прибежать должно, где он его прибежавшего застреливает из лука или из винтовки.

Самоедцы, когда промыслят дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с его кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впредь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе, естьли баба перейдет, то у них за грех и великое несчастие в промыслах почитается.[67]

Средства, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы, делаются следующим образом: с двух сторон делают огородец улочкою ширины меньше полуаршина, а поперег улочки вершка на три вышиною от земли делается поперечинка, которая ниже в колье с обеих сторон установляется; сверху накладывают плоское бревно, задним концем на коле утвержденное, передним же настораживается, будучи поднято кверху, лежит на спине, в развилину первого кола ущемленной, которая однем концом поддерживает бревно под поперечину, в бревно утвержденную; к другому же концу спины привязана насторожка, верхним кончиком в кол упертая, а нижним за первую меж кольев невысоко от земли на лже установленную поперечинку, чтоб бревно прежде времени не спустилось, за которой кладется прутье и другая примана, а как зверь или птица взошед заденет за поперечинку и из места ее вышибет, то насторожка соскакивает, а бревно, опустившись, придавляет добычу. Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Куронсес[68] делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не занесло снегом. На столбиках стелют доски длиною в сажень ручную, а шириною в пол-аршина, по бокам также огораживают дощечками шириною в четверть. Сверху

делается такой же гнет бревенной, у коего исподняя сторона обтесана в пласт; задней конец оного утвержден на столбике. На половине пола кладется нажива из сухих рыбьих костей или мяса, а на наживу кладутся две круглые палочки или скалки длиною вершка по два, а толщиною в палец. На оные палочки кладут небольшую дощечку, с нижней стороны опупистую, на которую становят сторожек не толстой, длиною в пол-аршина и менее; на оном сторожке устанавливается гнет, и как зверь войдет в куронсес и, нашед наживу, станет доставать, тогда палочки из-под опупистой дощечки покатятся, сторожек выпадет, а гнетом придавит. Попадается в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, россомахи и песцы.

Плашки или пасть, известное средство, коим в России мышей промышляют, но та только разность, что здесь на белок и соболей становят таковые. Внизу кладется доска, а сверху другая, кои обе содержатся на одном коле; над оными сделаны рели, покою подобные, коих к верхней перекладине привязывается сторожек, которой верхним своим концом поддерживает верхнюю доску, а нижним задевается за зарубку тоненькой дощечки, такою же длиною, как и самые доски, привязанною к тому ж колу, на котором помянутые доски утверждены; под тоненькую дощечку кладется нажива, которую, когда зверь трескать будет и чуть лишь пошевелит дощечку, то оная упадет, сторожек выскакивает, а верхняя доска зверя придавит.

Засека делается, как городьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает вверху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо в петлю попадает, либо, задев за спинку, натянутой лук спускает и стрелу прямо себе в грудь получает. В такозые засеки заходят олени, лоси и медведи.

Морские звери, кои самоедцам только известны, суть белые медведи коих жительство оне неправильно в воде полагают, но он только себе там пищу добывает и по воде плавает и ныряет, а часто его и по берегам промышляют. Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее такое их множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смирны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит. Причину тому мне сказывали, будто бы им есть запрещение от святых мощей Василия Мангазейского, чтоб скот не губили. Самоедцы их промышляют, нарочно разъезжая по берегам Северного океана но когда и невзначай близко наехать случится, то кидается он на человека, естьли же далеко, то убегает; напротив того, когда увидит в лодке плывущего, то и издалека за человеком гонится, желая как бы лодку опрокинуть. На сухом пути по его неповоротливости легко промышляют иногда скрадом из ружей и из луков стрелами.[69]

Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако по сказкам промышленников изо всех морских зверей суть величайшие. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых он выпалзы-

вает на берег или на лед, где спящего его или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины. Ног он не имеет, а только одне ласты; на берег же выпалзывает, закинув назад шею, и, утвердя в лед или в берег большие свои зубы, так вытаскивается. Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывает к пню или колу, в землю утвержденному;[70] и когда носок в моржа воткнут, то он, испужавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места, обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы или тюлени разных родов находятся, из которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглубых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимою же, когда реки льдом покроются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне[г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножем колют.[64]

Белуга[65] зверь или рыба, у самоедцов в немалом сомнении, однако оне более за зверя считают, нежели за рыбу, доказывая зверёвым подобные ее части: голова продолговатая, глаза малые, круглые выпуклые, ушей нету, а только одне дырки, шеи нету же, туловище поперег толше, к голове покатее и к хвосту гораздо тонее, кожа толщиною человечей подобна, беловатая, слизкая, перьев нигде нету, на груди имеются две ласты, жиром наполненные, в коих имеются пять косточек, извне означены пятью будто ноготками, к груди тоньше — в человечью руку, а наружу шире — лопаткой наподобие ладони; под брюхом имеется детородной уд, от которого не в отдаленности имеются две титьки, как коровье вымя, молоко белое, детородный уд длиною вершков более десяти, а толщиною в руку пониже локтя, собою вострой, как у быка, мясной, без кости; хвост хрящевой, плашмя, не как у рыб, но как у рака, которой она, подгибая под себя, воду назад попирает и так плавает. На затылке имеется дыра, в которую набравшую в себя воду вон выбрасывает вверх сажени на три, зубы ровные, клыков нету, мясо черное, как уголь. Дети ее родятся кожею чернее против матки, рот невелик кажется, но когда зевнет, то обширностью своею удивляет самоедцов. Жир ее очень чист и прозрачен, как масло. Оную, когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копьями.[73]

Киты в промысле у самоедцов никогда не бывают, но только сильною погодою на берегах выкинутых из моря, мертвых находят.

Глава 20

О ПТИ[Ц]ЕЛОВСТВЕ

Пти[ц]еловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаеванию снега сыплют также и золу; и лишь только вода на таких озерках окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озерка делают нарочно снежной шанец или станок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрельцы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица ни прилетела. К большему приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои становят на воды и к коим птица больше скопляется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только сядут подле таких манщиков, то тотчас начинают с ими драться. И естьли ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадется, а к сим манщикам никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше располятся, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера вырубают лес пространно перспективою, коею бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом, налету в сумерках разстонавливают сеть, которую распяленную на высоких шестах за тетивы хозяин держит на слабке, и лишь только птица, одна или много, в сеть торнется, то сеть опусчается, и она запутывается. Таковые сети называются перевесы, и вместо того, чтоб говорить — промышлять перевесами, говорят: сидеть перевесом.

Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оною и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутая, и когда птица полетит, то он, со стороны видя, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан; и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадается. Между тем, лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку становят чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусиному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь только пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услыхавши гусиной голос, опущаются ниже к манщикам, как к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

Около Самаровского яму наиболее промышляют понжами, сетьми так называемыми, которые длиною бывают сажен в 20, а шириною в две. Оную расстилают на песку, где гуси более садятся, а человек скрывается в стороне в нарочно сделанном к тому огородце, держа в руках веревки, на которые сеть с обеих сторон надета, а после не в отдаленности укреплена в кол, и как гуси на сеть сядут или найдут, то промышленник дернет за веревку, и сеть вся в мешок сбирается, а гуси в ей запутываются.

Впрочем, можно сказать, что птицы во все лето бывает здесь такое множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц гусей и лебедей не столь много засолить случится, потому, что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

Разных родов хотя и немного, однако стада бывают великие, как доказывает удивительное множество прилетающих и отлетающих гусей и лебедей и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц. Из всех родов бывают, выключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турпаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свищи, савки, чирки двух родов селезни, крохали, лутки и прочие, в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки, журавли, а гагары разве невзначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает.

Глава 21

О СОСТОЯНИИ ВСЕЙ ТАМОШНЕЙ СТРАНЫ, ПОГОДЕ, ТРАВАХ, СЕВЕРНЫХ СИЯНИЯХ И СВЕТЛОСТИ

Что касается до состояния всей тамошней страны, то думаю, каждому небезызвестны неспокойного севера перемены. Правда, хотя и в самом деле город Березов можно положить в северном градусе, как самое место доказывает, однако погоды по своему непостоянству так часто переменяются, что иногда не в свое время случается великая стужа, иногда среди глубокой зимы мосты от оттепели до земли оголяются. Прошлого 1771 года лето столь было жарко в городе и жителям несносно, что не только самые старики не помнят такого рода, но и молодым было для памяти, затем, что оне последних своих огородных овощей, коих и без того родится там мало, принуждены были лишиться. Наивящшие же жары были под осень в августе и сентябре месяцах, а после вдруг север столь проворно поворотился с своею стужею, что в средине октября и реки становиться начали. Меня в сие лето в Березове не случилось, а был в дороге к Северному окиану и для того не мог жаловаться на сии несносные, как мне сказывали, жары, а находился в числе почти тех знобких людей, кои и зимою из шубы не выходят. Хотя у меня было

и лето, однако я не скидывал ее, кроме пяти дней, в которые от северного жару пот в себе почувствовал.

Травы хотя и родятся около Березова, и лесов всяких довольно, но тонкость их и малость доказывают особливость тамошнего климата. Триста верст считается от Березова вниз по реке Оби до Обдорского городка, где уже лес ни к какому строению не годится, а при впадении реки в Обскую губу уже и никакого нет, кроме талу. Самое последнее дерево к северу растет лиственница, которая около двухсот [верст] в северо-западную сторону на реке Щучьей кончится, откуда начинаются уже чистые тундры и на мокрых местах ничего не видно, кроме моху и разного рода тальника вышиною менее аршина. Травы, напротив того, ниже Обдорска около реки и на мокрых только местах имеются, а на тундрах ничего, кроме сухих холмиков, на которых мелкие всякие особливые растут травки, да и те недолго, ибо естьли слишком непостоянной год выдастся, то не цветут более трех ден, так, как мне сказывали тамошние жители. Один, дескать, день выростает, другой цветет, а в третей пропадает. Да и правда, что естьли северной ветер потянет, то уже редкие травы в целости останутся, во-первых, что холоден, во-вторых, что и перестает нескоро. В июле месяце я имел от северного ветра такие морозы, что не только поля все заиндевели, но и у меня в чуму вода в лотке замерзла, что очень служит доказательством холода северного ветра.

Что ж касается до животных, то во всей тундре, кроме оленей, лисиц и песцов, зимою не найдется, а прочие, кои любят потеплее, те сюда, ближе к Березову, и водятся. Из домашних же одне коровы, кои в Обдорске живут до пяти лет немногие, а лошади ниже Березова отнюдь быть не могут. Были охотники, что на [с]удах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом. Свиней и овец березовские богатые некоторые содержат по малому числу, да и то не надолго, ибо оне там плодятся худо; корму для их мало, потому что и хозяева довольствуются привозным запасом с купли; притом же должно их всегда содержать взаперте, иначе через час и костей не найдешь, как собаки растащут с своею игрою. Здесь, кажется, не непристойно упомянуть и об обычае тамошних собак, коих там премножество, потому что зимою оне вместо лошадей служат и в дальние дороги и в лес по дрова. Оне когда голодные во время недостатку рыбы (как и остяки от сего более голод претерпевают), то так смирны, что не подумает и залаить, а когда сыты, то то и дело, что играют. Того ради и со скотом перво играют, а потом всего растерзают, коли отбить никого не прилучится. Каждой день небывалым там людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, которой по всему городу раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, перво подерутся, потом начнут выть, что услыша прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе сделается такой вой, что из конца в конец переходит, будто караульные перекликаются,

стоя на караулах, крича: „С богом! Ночь начинаем". В кошках я особливости не приметил, но бывают всякие, как белые с черными и рыжими пятнами, серые, черные и совсем белые, кои водятся также и в Обдорске.

Петухов и куриц для яиц содержат, некоторые только с великою от собак осторожностию.

Тараканов и сверчков во всем Березовском уезде нету, а начинаются оные от Самаровского яму, что больше 400 верст выше от Березова. Клопов у русских довольно, блох мало, а у остяков много, также и вшей. У самоедцов, напротив того, блох нету, а вшей со излишеством.

Вся сия сторона, хотя болотами преизобильна и на болотах устроена, однако лягушек нигде не видно, как и змей, а редко видеть случается однех ящериц, которые только одному Березову известны.

Впрочем, сколь скудная сия страна во всю зиму, так что описать нельзя, столь, напротив того, весело в ей жить, начиная от весны до самой осени, так что изобразить неможно, по той причине, что зимою там почти свету нету, а бывают дни около Николы не более трех или четырех часов, в кои при свете писать можно. Летом же, напротив того, и днем и ночью такая светлость, что не только читать и писать можно, но между ранним вечером и ночью почти различия нету, и без привычки на первой случай уснуть нельзя. Самое солнце в Обдорске не более часу из глаз скрывается, и то за одну высокую сопку закатается, из-за которой видеть его нельзя, иначе во всю ночь катится по горизонту, как превеликая кадка, на которую прямыми глазами смотреть можно; и светлость его немало не препятствует себя видеть; наконец, и места хотя в самом деле негодные, но при таком ночном сиянии кажутся весьма приятными.

Кто желает сими приятностями наслаждаться, то пусчай сам туда съездит, тогда увидит и мне поверит, сколь прелестное летнее тамошней страны состояние.

Северные сияния там не в большом почтении и не за великую особливость считают, потому что там и зимой и летом часто случаются, а особливо под осень. Простые северные сияния очень неудивительны, но которые с немалым треском и большим шумом зимою случаются, те часто приводят зрителей в удивление, ужас и предугадание. Тотчас после таких пойдут у их переговоры, перенятые от русских невидальцов, и всяк предбудущее по своему разуму заключает, но таковым заключениям здесь места нету, а для курьезности приложу одне мнения тамошних господ физиков, отчего оне происходят. Иные говорят, что солнце в море купается, и оттого свет оказывается и скрывается, а треск значит, когда оно о воду ударяется. Иные сказывают, что море горит в то время, и от его волнования происходит сей стук и движение колумнов.

Так наши остяки свою физику толкуют.

ОБ ОЛЕНЯХ

Богатство северных жителей, как остяков и самоядцов, не называется богатством иметь разные достатки, но у них тот и богат бывает, кто сегодня сыт, а завтра голоден не будет. Правда, есть из них такие, которые имеют и амбары, разными зверьми наполненные, но оными только от ясака и от неправия отплачиваются, а о запасе на содержание всей своей экономии редкие помышляют. Летом, когда рыбы довольно, ловит ее с небрежением, а берет из великой кучи однажды вытянутой ту, которая выше всех скачет, и запасает столько, чтобы ему только до весны за неделю стало, не думая о будущей ловле следующего году, каково де удастся. Прошедшей 1770 год столь им был скучен, что каждой, живучи вдали от городков, сколько ни терпел голод, сидя дома, однако, взяв с собою сколько-нибудь зверевых кож, принужден подвинуться из своего жилища со всей своей фамилией, и покудова находятся в нем силы итти пешком, по тех пор и следует, а выбившись из сил совсем, на дороге пропадает. Многие есть такие, кои, будучи не в силах терпеть такой голод, все с себя чувства сранивают, и оставляет то себе понятие, что ему в глаза мерещится, то почитает, на языке сладостию; многие, узревши перед собою какую-нибудь падину принуждены охотно такую кушать; многие, от богатства своего отставши, принуждены с великою нуждою ходить по миру; а напротив того, сей только запас у них за худой почесть неможно, что кто имел на себе платье из рыбьих или оленьих кож, те ныне ему в варении бурдука ригодились.[74] Щастлив из них тот, коего бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем и не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья, либо от великой скуки; оленей же кто стада содержит, тот у них и богатым называется, ибо никогда голоден не бывает. Но и действительно содержание такого скота можно смело назвать прочным, ежели пастух попадется доброй совести. Понеже стада сих оленей требуют всегда при себе человеку быть с фамилией (по-ихнему чум называемой) в кибитке, к которой он привыкши каждой день принуждает пастуха перебираться с места на место, потому что через сутки скот, выбив весь мох для корму из-под снегу, выбивает и место; следовательно,

требует, чтоб кибитка подвинулась далее, где б он свежева мог найти себе моху или корму, а иначе он рад голодом стоять на одном месте, а от кибитки прочь не пойдет. Сей зверь не такой, как лошадь, коих стада пасут табунные жеребцы, но в оных хар стадо своих самок пасти не может, а завсегда бывает пастух, надзирая, чтоб которой олень куда-нибудь не утратился. Пасутся же на всяких местах, где б ни пригодилось, а нарочных к тому мест не выбирают. В стадо пущают некладеных самцов или харов не по выбору и не помногу, а столько, чтоб толко самок не оставить бездетными, а ярость харову удовольствовать, коему в то время бывает не без трудности. Ибо обыкновенно числясь между 25 самками один, то только за собою знает, чтоб успеть с одной вскочить на другую, по порядку обошедши каждую по два и по три раза, от чего в такую приходит немощь и бессилие, что и на ногах стоять не может; понеже ему в то время и наесться недостает времени; чего для пастухи оттаскивают его в другое место от стада, где б он, не видя самок, в спокойствии отдохнуть и несколько поправиться мог. Сходятся как рогатой скот, обыкновенно в сентябре до половины октября и далее, охоту же харову можно предвидеть таким образом: перво начинает царапать землю или снег, потом станет мочиться на задние себе ноги, а напоследок, как придет в ярость, то начинает искать самок к тому же охочих; напротив того, ежели самка не захочет, то хар как бы ни старался, но никоим образом склонить ее не может; а имеет такую охотку до тех пор, покудова своих рогов не лишится, что бывает в год по однажды, как то у хара спадывают в октябре и ноябре месяцах, у молодых же и декабря в первых числах, у кастратов в марте и апреле, а у самок в мае теряются; и как скоро спадут, то тотчас новые рости начинают; ростут же до осени они мохнатые в коже с маленькою шерсткою,[75] которая разве у некоторых кастратов в целости засыхает, а прочие все, о деревья очищая, делают голыми. Самка, когда почувствует у себя от самца что-нибудь в брюхе, то уже ни под каким видом хара скакать на себя не пущает, однако, и в то время его от табуна никогда не отделяют.

Носит самка в брюхе теленка семь месяцев, и каждой год приносит по одному, а двойни редко случаются. Время в последних числах апреля и первых маия; когда наступает телиться, тогда пастухи или сами хозяева выбирают для спокойствия самки места либо лесистые, а где нет лесу, то чистые ручьи, и около ручьев на горах талые места, чтоб от погод было безопасно; но иногда бывают, правда, и великие ненастья, как то ветры со снегами и морозы, то хозяева рожденнаго в то время одевают разными своими одеждами, только чтоб были не ветхие и дымом не закоптелые, коего бедняка, одетого в человеческое платье, теленка матка оставляет без всякого призрения и жалости, так, что и совсем его позабывает, которую после пастухи, хотя и с немалою трудностию, однако с принуждением кормить теленка приучают таким образом: перво таких на снегу привязывают и не дают ей ни пить, ни есть сутки трои

или четверы, а потом сваливают ее с ног, и припущают теленка сосать титьки; матка же, проголодавшись, когда начнет его лизать и питать без принуждения, тогда ее спускают с привяски, в противном же случае по тех пор не освобождается, покудова сама кормить его не будет. Родятся телята четверти в три вышиною и более, а после, ростя и питаясь молоком, бывают и больше; и когда уже бывает месяцов двух и менее, то сам начинает есть мох и мягкую траву, однако и матку сосет до тех пор, пока она не понесет другова, и тогда уже его редко к себе подпущает; бывают же и такие, кои матку сосут года по два, хотя и сами детей носят, но матку не покидают, и их никто не отъимает, а отстают либо сами, либо матка припускать его не станет. Напротив того, удаются из них такие наглые, что, пососав мать свою и увидя в близости другого также сосущего, то, оставя мать свою, забегает сзади, и сосет иную с другим тут же; таковые бывают ростом больше обыкновенных; а иные и самки есть такие, кои из охоты воспитывают оставшихся после матери теленков по два и по три, но только такие бывают уже ростом менее прочих. Сие смеху достойное в сем животном: при рождении в благополучную погоду, лишь только родившись, маломало обсохнет, то тотчас и начнет скакать и бегать, а сам хоркает; увидя такого, матка сама также бегает за ним и хоркает; колми паче естьли таких в стаде прилучится много, то смотреть на такое позорище не неприятно. Бывают опять из самок такие (кои обыкновенно чрез два года должны приносить сами телят), а оные, например, весною родившиеся сами, да к другой весне уже и теленка принесет; таковая называется у них блядью (неуды), а самец также, хотя прежде времени и скачет, но ничего сделать не может.

При первом случае их возраста хозяева ничего еще приметить не могут, и куда его способным употребить не узнавают; месяцов же шести когда будет, то неимеющей оленей его впрягает под легкие возы, перво приучив, чтоб не дичился, таким образом: надевает на него с петлею веревку, и за оную дергает, а олень, боясь того, бегает вокруг, но когда усмирится и не будет веревки бояться, то водит его на оной, куда хочет, и напоследок без трудности впрягать может; а нередко также случается, что, не умея оленя приваживать в веревке, тою же и задавливает. В езде олень служить может с перемешкою во всю зиму и лето, только б с отдыхом был довольной корм; в день можно на нем ехать часов 12 и более; а когда уставать станет, то должно выпречь и покормить мохом, а после до становья вести уже простого. В противном же случае, естьли хозяин отдохнуть ему дать не похочет, то после с жалостию смерть на дороге упадшаго оленя оплакивать будет. Никакого знака видеть не можно пред случаем падения такого усталого оленя, но везет так, как и свежей, и ниже запыхается; а как придет время, то в один миг упадет и не дыхнет. Сильняе из них бывают кастраты, и они в возке долее служить могут. Живут олени

по примечанию 21 год, более и менее, естьли только на нем кроме неизбежных никаких других немощей не было, от которых часто случающихся приходит в слабость, и так как старик или пропадшей олень бывает жертвою хозяину в пищу. Болезни на них бывают: 1) колется копыто, 2) кашель, 3) из рта течет слюна, 4) весною на каждом олене бывают свищи, 5) в горле черви; коих оной народ никак лечить не умеет, кроме последней, что черви из горла рукой вынимают. Что ж до свищей касается, то сия болезнь такая, коей никоторой олень избежать в жизни своей не может, и каждой весны, естьли на одном появится, то уже и все стадо тем же заражается. Она состоит из червей по за коже у зверя живущих, кои иногда так усиливаются, что оленя совсем задавливают, а иначе без всякого также лекарства в свое время из-за кожи выпадывают, и олень очищается. Кроме сих двух болезней, прочие усилившиеся можно назвать неисцелимыми; копыта хотя и спадывают, но очень редко, и притом оазве по какой болезни. Олени рогами одарены бывают великими и немалым числом отростков; но сие разно случается и разное число на таких бывает, а есть некоторые, кои и совсем отростков не имеют.

Бывают олени разных шерстей, как: белые, пегие, чубарые, черные, бурые; которых держать самоядцу не убыточно, ибо, просто сказать, он его поит и кормит, обувает и одевает. Понеже мясом оного довольствуется столько, сколько самому ему хочется, и никогда голоден быть не может. Шерсть особливо никуды не употребляют, но естьли которую оленину и очистят для юфты, то шерсть с нее кидают за негодностью; а выделанные сих зверей кожи употребляют на платье и обувь, и на все содержание целого дома. Возят парой и по три вдруг; бегут рысью, таща за собою тяжесть очень согласно, а каждая пара легко тяжесть пятнадцати пудов на себя примет; легкими ж санми действительно в сутки не кормя можно до ста верст выбежать, только б ему давали через 20 верст немалое число вздыхать, поесть снегу и высцаться; однако он когда и бежит, то и на бегу снег глотает, а притом и во всю зиму пьют не воду, но снегу вместо питья едят довольно; летом же пьют воду всякую, речную и из морских заливов.

Продаются олени рубли по два, по три, а смотря по доброте и до десяти рублей доходят.

Санки, на которых ездят самоядцы, впрягая по два, по три и по четыре оленя, делаются из всякого, кроме тальника, дерева,[76] коих полозья *A* бывают длиною аршина в три с половиною, имея у себя на стороне по три копыла *B* и по четыре, вышиною от полоза *A* до дир *C*, в кои вкладываются поперечины или вязья, вершков одиннадцать. На вязья настилаются тесаные тоненькие досчечки *D*, пришитые ремнями к козырям *E.E*, напереди и назади имеющимся; по сторонам же от самых полозовых головок *F* даже до заднего козыря пришивается с закрайками досчечка *G* из дерева с корнем, наподобие кряка зделанная, где она

198

Пьютъ не воду, но Мѣду вмѣсто питья будетъ довольно: а только смотря воду бѣгутъ: рѣчки к ихъ Морскихъ Валовъ.

Продаются олени бываютъ по два, по три, а смотря по добротѣ и до десяти рублей доходятъ.

Санки, на которыхъ ѣздятъ Самоѣды впрягая по два, по три, и по четыре Оленя. Дѣлаются изъ всякаго, кромѣ Тальника, дерева, коихъ полозья A. загнуты длиною аршина въ три съ половиною, имѣя у себя на стоякахъ по три копылы B. и по четыре, вышиною отъ полоза A до днища C. въ кои вкладываются поперечины или вязья, вершковъ одинъ напротивъ; На вязья настилаются тесаные тонкие дощечки D. пришитые ремнями и козлами E.E. на передѣ и назади [illegible]; по столпамъ отъ самыхъ полозьевъ головки F. даже до заднихъ козловъ примазываются съ закрѣпками дужки G. изъ дерева съ концами на подобие крюка загнутыми, хотя она тонкими концами H. вдалбливаются въ передней конецъ полоза, а корнемъ I. кладется до заднихъ козловъ E., отъ передняго козла E. до самыхъ головокъ F. оставляется пустое мѣсто. Головки же F. соединяются вмѣсто вяза поперечиной K. чтобъ полозья не разбѣгались. На полозѣ A. подъ самымъ вязомъ K. провертывается дыра L. въ кою вдѣвается ремень M. и завязывается за вязъ или досчечку боковую [illegible]. [illegible] N. Концы чрезъ дыры O. продетъ одинъ бѣлый ремень P. за который тянутъ. Олени будучи запряжены по два въ рядъ въ лямкахъ Q. чрезъ шею, имѣя ремни у себя промежъ ногъ. Въ мѣсто уздъ имѣютъ олени на головѣ кости R. наподобие къ тому задѣланные, кои надѣваются на морду и подъ шеею подъ челюсти на затылкѣ концы завязываются. У лѣваго оленя [illegible] одна

Рис. 4. 198-й лист рукописи В. Ф. Зуева „Об оленях".

тонким концом H вдалбливается в передней конец полоза, а корнем I касается до заднего козыря E, от переднего же козыря E до самых головок F оставляется пустое место. Головки же F соединяются вместо

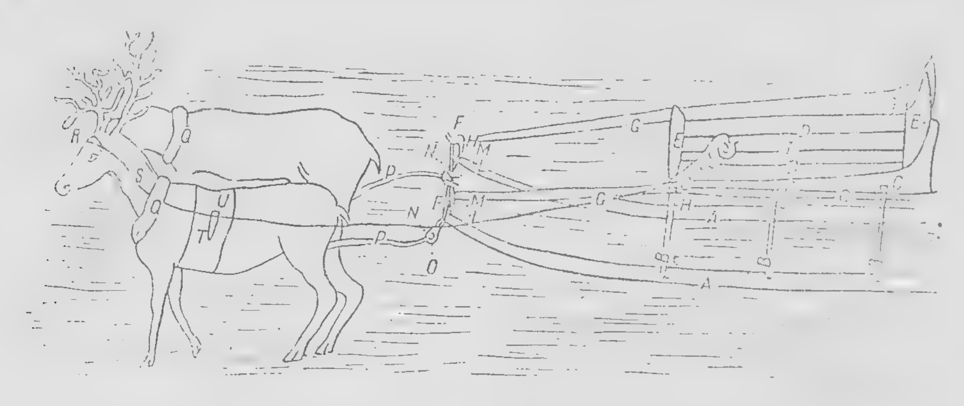

Рис. 3. 197-й лист рукописи В .Ф. Зуева „Об оленях".

вяза поперечиною K, чтоб полозы не разбегались. На полозьях A под сим вязом K провертываются диры L, в кои вдевается ремень M и завязывается за блок или досчечку боковую G, на которой имеются лонтали N, коих чрез диры O продет один большой ремень P, за которой тянут олени, будучи запряжены по два в ряд в лямках Q чрез шею, имея ремень у себя промеж всех ног. Вместо узды, имеют олени на голове кости R, нарочно к тому сделанные, кои надеваются на лоб, и, подтянув под челюсти на затылке, концы завязываются. У левого оленя имеется одна вожжа S на левой стороне, и привязывается вверху за узду R почти подле самого уха и, чтоб не спадывала, накладывается на кость T, пришитую к широкой коженой подпруге U, а другой конец держит в руке. Припряжной олень к левому привязывается накрепко, чтоб был поводлив, куда левой поворотит, туда бы и он следовал. Ездок сидит в санках, скорча ноги калачиком, или одну ногу под себя, а другую свеся; в одной руке держит вожжу, а в левой тонинькой шестик[77] длиною сажени две и более, коим оленей понужает, и ежели ему надобно ехать влево, то немного подержит вожжу, а потом потрясает ею, естьли ж вправо, то должен ударить вожжею наотмашь оленя по боку; буде же остановить, то потянет вожжу, и он остановится, а припряжной безо всего уже слушает левого; но чтоб назад к ездоку головой не поворачивался, то, вынув наперед шест, с угрозою приказывает, чтоб стоял прямо.

КОММЕНТАРИИ

1 Зуев, вероятно, имеет здесь в виду отдельные роды хантов, в той или иной мере ассимилированные ненцами.

2 Гипотезы о происхождении ненцев, созданные в конце XVIII в., касались лишь связей ненцев с южной Сибирью — Саянами. Позднее, в 40-х годах XIX в., Кастрен развил их. Все эти гипотезы совершенно упускали из виду то обстоятельство, что приполярная зона была населена еще до прихода туда предков ненцев. Зуев первый упомянул о „неведомых, прежде бывших в тех местах народах".

3 *Хазова*, вернее *хасава*, по-ненецки „мужчина", „ненец". *Хасава* является самоназванием у некоторых групп ненцев.

4 *Луца* — по-ненецки „русский".

5 Неточно. Малица шьется обычно из осенних оленьих шкур. Возможно, что автор под словом „вешние" подразумевает телят, родившихся весною данного года.

6 Согласно описанию Зуева, капюшон — „голову" имеет лишь верхняя одежда *гус* (совр. сев.-русск. „гусь"), а малица его не имеет. Ныне, в районе, посещенном Зуевым, малицы шьются только с капюшоном. Очевидно, в XVIII в. покрой одежды у ненцев еще не вполне утратил черты южного происхождения: малица, будучи уже глухой полярной одеждой, еще не имела капюшона.

7 От ненецк. *няблюй* — оленья шкура, снятая осенью (в августе).

8 *Чажи*— совр. сев.-русск. „чижи", „тяжи" (ненецк. *тобак*) — „меховые чулки" (хантыйское — „кеш").

9 *Неговаи*— хантыйск. *нюкё вей* (*нюкё* — ро́вдуга, *вей* — обувь).

10 *Хантыйск. сах* — женская шуба из оленьего меха, двойная, с прямым разрезом спереди.

11 Здесь идет речь о распространенном среди хантыйских женщин обычае вкладывать в vagina стружку — *отлеп*. Стружка эта заготовлялась зимою из мерзлого дерева и заменяла хантам полотенца, тряпки и т. п.

12 Указание автора на то, что „летом ходят босые", следует, очевидно, отнести к женщинам, поскольку мужская летняя обувь описана выше. Однако известно, что хантыйские женщины круглый год ходили обутыми и считали большим стыдом показывать обнаженные ноги не только посторонним людям, но даже и членам своей семьи.

13 Стрижка в кружок у ненцев сохранилась в некоторых районах до наших дней.

14 Речь идет, повидимому, о *косниках* — хантыйск. *сэв*, которые состояли из кусочка кожи овальной формы, украшенного бисером и медными пуговицами и прикреплявшегося на затылке. К концам этого украшения привязывались два длинных жгута, оканчивающиеся треугольниками из кожи. Жгуты соединялись между собою медными цепочками и имели большое количество фигурных подвесок из меди.

15 *Вокшем* — хантыйск *охшам*. У хантов существовал обычай закрывания лица замужней женщиной в присутствии мужчин — старших родственников мужа. Этот обы-

чай, повидимому, может быть поставлен в связь с появлением брачного запрета внутри определенной группы лиц.

16 Татуировка, кроме отмеченных Зуевым двух значений (медицинского и эстетического), несомненно, имела еще и религиозный характер.

17 Так называемая *тамга* — хантыйск. *ёш пос* — буквально „руки знак".

18 У хантов и у некоторых групп ненцев мужчины расчесывали волосы на прямой пробор и пучки волос над ушами туго обматывали цветными шерстяными шнурками.

19 Женская зимняя одежда с тройной опушкой по подолу ныне сохранилась у ненцев только в некоторых европейских тундрах. Во времена Зуева она была распространена и за Уралом.

20 Вдоль стен юрты располагались земляные нары, которые делились перегородками на отдельные помещения для каждой семьи.

21 Речь идет о так называемой „большой семье".

22 Уже в XVIII в. разложение первобытно-общинного строя у ненцев было достаточно ощутимо. Зуев вполне правильно отмечает имущественную дифференциацию и эксплоатацию чужого труда — „служение".

23 Здесь, конечно, дело не в презрении к женщине, а в запрете говорить с женою, особенно молодой, в присутствии определенных лиц, запрет называть ее по имени и т. д.

24 Столь резкое колебание размеров стад ясно указывает на значительную имущественную дифференциацию. То же для европейских тундр было отмечено в 70-х годах XVIII в. И. И. Лепехиным.

25 Если ненцы в XVIII в. даже и не имели лабазов, то отсюда не следует, что они круглый год возили с собою все имущество. Лишние вещи и различные припасы складывали в особые нарты, которые оставляли на пути сезонной кочевки и, при возвращении (например с летовок), снова брали с собой.

26 *Ез* — приспособление для рыбной ловли. Состоит из деревянного забора, перегораживающего реку и имеющего просветы для установки различных ловушек („морд", „фитилей" и т. д.).

27 *Важан* — сетное орудие. Ставится в езах.

28 *Морда* — рыболовный снаряд корзиночного типа. Устанавливается в езах и запорах.

29 *Кляпца* — ловушка. Состоит из планки с железными зубьями и деревянного цилиндра, в котором укреплена горизонтальная пружина, скрученная из веревок или сухожилий. Когда зверь трогает насторожку, пружина раскручивается, и планка с силой бьет вниз. В настоящее время кляпцы почти совсем вышли из употребления.

30 Оленьи желудки.

31 Запрет варить оленью голову имел широкое распространение и сохранялся до недавнего времени.

32 По более поздним сведениям, ненцы не ели мяса волка, считавшегося одним из воплощений злого духа. Волка вообще избегали убивать.

33 Хантыйск. — *вёш.*

34 Широко распространенный способ лечения, практиковавшийся до недавнего времени.

35 Повидимому, шкатулка была использована для хранения изображений домашних божеств, которые обычно и содержались в переднем углу.

36 Очевидно, случай эмиряченья — форма истерии, встречавшаяся, в частности, в Сибири.

37 „Отрезание" головы широко практиковалось на специальных сеансах ненецкими шаманами высшей категории. Такое „отрезание" зафиксировано еще в середине XVI в. у европейских ненцев английским шкипером Ричардом Джонсоном и демонстрировалось также якутскими, эвенкийскими и другими шаманами.

38 Это не соответствует действительности. Песни-импровизации были, конечно, распространены, но имелись и вполне определенные песни, известные многим лицам.

По сие время многие былины и повести, являющиеся наиболее распространенными жанрами ненецкого фольклора, не рассказываются, а поются.

39 Культ медведя и медвежий праздник у хантов были связаны с почитанием медведя как тотемного животного.

40 „Обид от русских", вернее от торговцев, сборщиков ясака и чиновников, ненцы терпели не мало и не раз поднимались с оружием в руках против своих притеснителей.

41 Приведенный выше ненецкий текст, как и два помещенные далее, в оригинале написаны недостаточно разборчиво. Само качество записи также позволяет понять содержание каждого предложения лишь в общих чертах. Тем не менее записи Зуева являются, пожалуй, первым опытом фиксации связного текста на ненецком языке, а не отдельных слов, и качество этих записей не ниже самоедских глоссариев XVIII в., составленных Страленбергом, Шлёцером и Витзеном.

42 Упоминаемый Зуевым обмен практиковался весьма широко. В основе этого обмена лежало прежде всего общественное разделение труда между жителями тундры — ненцами, у которых имелись продукты оленеводства, шкуры морского зверя, мамонтовая кость, и хантами — жителями лесов и рыбаками, имевшими рыбу, рыбий жир, изделия из дерева и т. д.

43 Хантыйск. *вузя* употреблялось лишь как приветствие при встрече.

44 *Дорово*, вернее *торова* (от русск. „здоро́во"). Употреблялось ненцами лишь как приветствие при встрече.

45 С юраками, т. е. с ненцами. Из сказанного выше ясно, что Зуев описывает танцы на основании сведений, полученных им во время своей поездки в низовья Енисея в 1772 г. Поскольку там он мог слышать о ненцах только как о „юраках", то речь идет, следовательно, не о них и не о „тавгах" (нганасанах), с танцами которых описанные Зуевым лишь „сходственны". Несомненно, что „енисейские самоедцы" — это энцы. Таким образом, Зуеву принадлежат первые сведения (по частному, правда, вопросу), касающиеся этнографии энцев.

46 Описываемые пляски-пантомимы обычно исполнялись мужчинами во время медвежьего праздника.

47 *Шангальтоп* — мансийское производное от глагола „звенеть". *Нарысюг*, вернее, *нарсюх* (хантыйск.) — от *нарс* — основы глагола „играть на музыкальном инструменте", *юх* — „дерево". Этими названиями именуют музыкальный инструмент типа финского „кантелэ" в виде полого ящичка длиною около 1 м, лодкообразной формы, без грифа. Струны — из оленьих сухожилий, колки — из птичьих костей.

48 В данном случае интересно не распространенное в общем предание о „дивьих людях", а упоминание о связях ненцев с крайним северо-востоком, т. е. с областями, заселенными палеоазиатскими народностями, с которыми самоедские племена, уже при продвижении к северу из прежних мест своего обитания, вступили в тесный контакт.

49 Проявление какой-либо интимности при посторонних было строго запрещено. Поцелуй в губы отсутствовал, но существовал поцелуй в нос и в щеки.

50 *Таха* — хантыйское междометие, примерно, русское „эй!". Местное русское население употребляет его при обращении к хантам в значении „друг", „приятель", причем оно склоняется — таха, тахи, тахам и т. п.

51 Существовал запрет произносить вслух имя человека в его присутствии. Младшие не называли по имени старших, жены — мужей, мужья — жен. Поэтому жена обычно называла мужа *хасава* — „муж", „мужчина" или *вэсака* — „старик", а муж обращался к жене в безличной форме или именовал ее *ня* — „товарищ", *не* — „женщина", или наконец, по имени ребенка.

52 Существование отцовского рода у ненцев обусловливало наличие левирата и не ограничивало браков с мачехой, снохой и другими женщинами, не принадлежавшими к данному роду, т. е. роду мужчины, имевшего право на них жениться.

53 Весьма ценные замечания, впервые отмечающие институт экзогамии у хантов.

54 Очень интересный факт, никем не отмеченный в позднейшей литературе.

[55] Здесь явный пережиток прав рода на своего члена. Дочь данного человека принадлежит не только ему, но и его роду, поэтому часть калыма распределяется среди других членов рода (во времена Зуева — уже только среди близкой родни).

[56] Речь идет несомненно о кетах, о которых Зуев мог слышать во время своей поездки в Туруханск в 1772 г.

[57] Имя умершего давали вновь родившемуся лишь через 1—2 поколения. Явление, описываемое Зуевым, возможно, относится к фонду имен рода, откуда другой род не мог заимствовать имена.

[58] Женщины, разумеется, имели имена, но пользование ими было ограничено рядом запретов. См. примечания 23 и 51.

[59] Здесь, вероятно, неточность. Поскольку род владел определенной территорией, он старался именно на ней хоронить своих покойников. Обычай этот сохранялся до самого недавнего времени. Род имел одно или несколько кладбищ. Разумеется, при далеких перекочевках приходилось иногда хоронить людей данного рода на чужой территории. Это, повидимому, и ввело Зуева в заблуждение.

[60] Все эти предметы ломали, продырявливали и т. д.

[61] Это замечание исчерпывающим образом характеризует роль рыболовства и оленеводства в экономике ненецкого хозяйства. Несомненно, что уже в XVIII в., при достаточно резкой имущественной дифференциации, олени и пушнина составляли основное богатство, так сказать, товарный фонд хозяйства. Рыба же, особенно в отдаленных районах, имела почти исключительно потребительское значение и служила основным (наряду с мясом дикого оленя) продуктом питания не только для малооленных, но и для многооленных ненцев.

[62] Весьма интересный способ лова, никем и нигде не описанный.

[63] По-остяцки: язь — Mewte, окунь — Jew, карась — Malenhull.

[64] Сведения ошибочны, так как песца черканом не промышляют.

[65] Ненецк. — *лабак* — „махавка", флажок".

[66] Ненецк. — *хора* — „самец".

[67] Охотничья добыча, в особенности олень, считалась „чистой", и ее оберегали от осквернения „нечистой" женщиной.

[68] *Куронсес* — хантыйск. *курынгсевы*, — буквально „слопцы с ножками".

[69] „Смирный" нрав белых медведей, как и территория их распространения, вероятно, описаны Зуевым по рассказам.

[70] Такой способ охоты на моржа ныне не сохранился, но его существование в прошлом, видимо, связано с развитой морской охотой приполярных аборигенных племен, впоследствии ассимилированных ненцами, перенявшими у них некоторые способы охоты.

[71] Этот способ охоты, главным образом на нерп, сохранился до настоящего времени, например на северо-восточном побережье Большеземельской тундры.

[72] Не белуга, а белуха — Delphinapterus leucas Pall.

[73] Еще в конце XVI в. Иероним Мегизер, использовавший главным образом материалы нидерландских экспедиций на север, описал способ коллективной охоты на китов у ненцев, весьма сходный с описанием Зуева.

[74] Ханты шили одежду из осетровых и налимьих кож и, повидимому, при особом голоде, использовали ее для варки так называемой *бурдука* — „похлебки".

[75] Шкурка, снятая с верхней части нового рога живого оленя и поджаренная на огне, считается лакомством.

[76] Женские санки (нарты) из березы делать было нельзя, так как она почиталась как священное дерево.

[77] Так называемый хорей, шест, имеющий на одном из концов костяной шарик, на другом — заостренный железный наконечник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор издательства Покуровская. Техн. редактор В. Макрушин. Корректор Н. Ракова.
Подп. к печ. 27 VIII 1947. М. 05792 РИСQ № 2643 Печ. л. 6. Уч. изд. л. 8.
Тираж 3.000. Заказ 506.

1-я Типография издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

Цена [illegible] руб.

ИЭ
Ж-845а³
т. 5
1947